

АТЛАНТИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ: ЯВЛЕНИЯ ВЗАИМОСВЯЗАННЫЕ, НО ВСЁ ЖЕ РАЗНЫЕ

В понятиях атлантизации и глобализации есть внутреннее взаимодействие. Но также есть и глубокие различия.

Атлантизм содействует глобализации. Она лежит в основе современной глобализации в мире. Как бы там ни было, атлантизм способствует здесь и сейчас объединению небольшой группы стран. Он служит частичным регулятором глобализации. Он выступает в качестве как ограничителя, так и стимулятора глобализации.

Определения.

«Глобализация» – хорошо известный термин. Он обычно используется для определения процесса связывания мира воедино экономически через открытую торговлю и инвестиции. Но он также используется для определения процесса связывания мира воедино в отношении культуры, интеллектуальной жизни, социальных процессов и политики. Примерами могут служить распространение в мире массовой культуры, универсальной науки, современной формы общества и хозяйства, появившейся пять столетий назад в северо-западной Европе, а также распространение прав человека и демократии.

«Атлантизм» – менее известный термин и реже обсуждается как явление. Его можно понимать как объединение современных стран Запада, начиная со стран, расположенных на северном побережье Атлантики и кончая странами расположенными южнее.

Как читатель может понять из этих определений, общества, включённые в понятие «атлантизм», как давшие начало Атлантической группе, те же самые, что и общества под рубрикой «глобализация», так как они положили начало современной формы общества и хозяйства, чьё распространение является основным элементом глобализации. Сами определения, таким образом, показывают тесную взаимосвязь этих двух явлений.

Этапы Глобализации и роль Атлантики в ее распространении:

1. Первым этапом глобализации было связывание мира по морю в XV и XVI веках. Инициаторами этого процесса были Португалия, Испания и другие европейские страны Атлантического побережья. Символичной датой можно считать 1492 г., когда европейцы достигли Америки: это удвоило облик известного мира и заложило основу для навигации по всему миру. С самого начала именно атлантические страны начали процесс глобализации.

2. Образование глобального пространства шло вместе с образованием особого трансатлантического пространства. На самом деле, сам Атлантический океан был определён в эпоху Возрождения, исследований и открытий как имеющий «другую сторону».

По мере колонизации Америк развивалось общественное пространство Атлантики. Общества с двух сторон были связаны и с тех пор развивались во взаимозависимости. Они также были объединены в определённой мере новым опытом открытия новых пространств. Трансатлантические общества и их экономическая взаимосвязь стали основой для возникновения мирового хозяйства.

Атлантизм почти сразу разделился между Севером и Югом. Самые модернизированные общества появились по обе стороны Северной Атлантики. Южная и Католическая Испания добились результатов в извлечении золота, но не в его экономическом использовании, и начался её упадок. Северные протестантские общества, Голландия и Англия, добились большего в усвоении богатства благодаря современной банковской системе и инвестициям, и в выращивании в колониях социальной среды и сильного потенциала своего собственного производства.

3. Рост общественного пространства Северной Атлантики продолжился, несмотря на распад империи Северной Атлантики в 1776 (и империи Южной Атлантики в начале XIX века). Распад компенсировался формированием более глубокого Союза отделившихся штатов Северной Америки и расширением Союза на весь континент в XIX веке. Новый Союз ускорил поток иммигрантов из северо-западной Европы в начале XIX века, и из остальных европейских стран в конце XIX века, и в конце XX века – со всего света. Индустриальная революция была сильнейшей и самой ранней в трансатлантическом пространстве.

Северо-западные европейские страны, включая Францию, тем временем установили современные либеральные режимы после 1830 и позже демократические режимы, связав тем самым идеологическое пространство между собой и с Америкой. Они стали протосоюзниками после распада Священного Союза и благодаря поддержке Доктрины Монро Британией. После этого они уже более не участвовали в войнах друг против друга. “ *Pax democratica*”, таким образом, обычно датируется 1830 г.

Ядро Атлантики в мировом хозяйстве продолжало расти, и ведущие страны стали развивать общее стратегическое выравнивание вместо бывшего ранее деления на конкурентов.

Глобализация прошла несколько последовательных этапов ускорения, в каждом из которых Атлантические страны сыграли ведущую роль.

4. “*Pax Britannica*” – «Великая Британия» в 1814 – 1914 гг. распространилась по всему миру политически как империя, над которой «солнце никогда не заходит», и ускорила глобализацию посредством свободной торговли. Вместе с другими европейскими державами она привнесла современную европейскую культуру почти во все районы мира.

5. Американская гегемония устанавливалась постепенно в течение XX века. Во время «междоусобицы» с 1914 по 1941, когда Британия теряла лидирующие позиции, а США не хотела их занимать. Протекционизм усиливался в торговле и денежном обращении, отталкивая, таким образом, глобализацию и вызывая значительное сокращение мировой экономики. Однако американская гегемония означала в долгой перспективе дальнейшее взаимное проникновение стран Атлантики, на этот раз без формальной империи. Аме-

рика распространила в глобальном масштабе свои нормы антиимпериализма, открытого общества, демократии и прав человека. Америка иногда делала это против воли европейских союзников, как в антиимпериализме, но чаще в сотрудничестве с ними. Не было большого доверия в сотрудничестве, которого не хватало для воплощения норм в полной мере. Но нормы защищались, и взаимное проникновение продолжалось.

6. После 1945 г. возникли трансатлантические институты – такие как НАТО, Организация экономического сотрудничества и развития, Большая восьмерка. Они организовывали сотрудничество между странами бассейна Атлантики, что позволяло им быть более последовательными в развитии экономической глобализации и защите своих политических институтов. В тот же период были образованы полуглобальные институты под лидерством Атлантических стран: Бреттон-Вудская система МВФ, Всемирный банк, Генеральное соглашение по таможенным тарифам и торговле (в настоящее время – Всемирная торговая организация). Ими управляла атлантическая группировка, и они возобновили процесс глобализации после серьезного перерыва во время двух мировых войн и в межвоенные годы.

7. С 1980-х гг. страны Атлантического бассейна поддерживали дальнейшее ускорение экономической глобализации путем радикального упрощения правил для движения денежных потоков. Кроме того, имели место новые этапы торговых переговоров, которые привели к перерастанию Генерального соглашения по тарифам и торговле во Всемирную торговую организацию. Глобализацию иногда ошибочно понимают как процесс, обозначающий именно этот этап – и только.

8. Крах коммунизма в 1989 – 1991 гг. ускорил глобализацию Атлантических политических норм. Трансатлантические институты стали организовывать сотрудничество не только для защиты атлантических политических норм в своем собственном пространстве, но и для продвижения их в глобальном масштабе. В течение короткого времени они даже надеялись, что эти нормы будут распространяться поступательно и безболезненно и наступит «конец истории»¹.

Двойственная роль Атлантики и глобализация

Несмотря на эти глобализирующие функции, атлантические структуры сами по себе не являются глобальными. Поскольку «конец истории» все еще не наступил – и, похоже, не наступит ещё долго – они и не будут глобальными. Однако, кроме продвижения глобализации, они все же выполняют многие другие функции. Фактически, они также играют роль плотины – или барьера, тормоза, защитной оболочки – перед лицом глобализации.

В то время, как роль национальных защитных «оболочек» снижается из-за глобализации, международные атлантические структуры – Организация экономического сотрудничества и развития, Большая восьмерка – обеспечивают международную защитную оболочку, которая дополняет а, в некоторой степени, и заменяет прежние защитные оболочки в виде национальных границ. Это позволяет урегулировать многие недоразумения и конфликты, осо-

---

¹ Fukuyama F. The End of History? // The National Interest. 1989. No. 16 (Summer). P. 3 – 18; затем на основе статьи была написана книга. Русский перевод книги выпущен издательством АСТ: Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.

бенно внутри группы атлантических государств. Протекционизм, по отношению к остальному миру, также снижается, однако не уничтожается полностью. ЕС поступает примерно так же: его таможенный союз и общее гражданство создают новые границы по отношению к миру за пределами ЕС и гарантируют полную либерализацию внутри союза, которая, однако, не обязательно должна выходить за его рамки. На практике ЕС служит распространению глобализации и открытию, хотя и не полному, экономик и обществ своих государств.

Можно выделить целый ряд концентрических кругов, внутри которых открываются рынки, каждый из которых имеет свою внешнюю «оболочку»: Европейский Союз, Атлантический блок, весь мир. Каждый из образующихся рынков имеет свои институты, которые не только охраняют его от внутреннего протекционизма, но каждый из них также служит общим барьером. Каждый рынок в совокупности со своей оболочкой включен в другую такую систему: на национальном уровне, затем на европейском (регионально-континентальном), Атлантическом (межконтинентальном), на уровне Бреттон-Вудской системы (полу-глобальном) и, наконец, глобальном (возможно, имеющем не такой крепкий заслон, чтобы исключить возможность внешней угрозы).

Структуры Атлантического союза призваны играть две роли по отношению к глобализации: ее распространение, а также регулирование как глобализации, так и ее последствий для обществ внутри системы. Мы можем обозначить эти роли как стимулирующая и защитная. Хотя эти две роли являются взаимодополняющими, они различны, даже противоположны, по своей тенденции. Это влечет за собой необходимость их разумного сочетания и регулирования.

Теоретическая основа комбинаторского подхода: позитивная и негативная интеграция.

Пока что институты Атлантической системы только частично реализуют свой потенциал в сочетании и уравнивании этих двух функций. В Евросоюзе эти роли регулируются, если не более эффективно, то более разумно. Фактически в Европейском Союзе этому есть теоретическое определение - а именно, то, что теоретики говорят о необходимом сочетании «позитивной» и «негативной» интеграции.

«Позитивная интеграция», описанная теоретиком Европейского Союза Джоном Пиндером, означает развитие способностей к проведению общей политики. «Негативная интеграция» означает переход от национальных границ к свободным отношениям между странами. Так как «негативная интеграция» устраняет национальные границы, она также ограничивает права отдельных государств на проведение собственной политики, в том числе и той, которая традиционно является важной для социальной и экономической стабилизации. Неудача в развитии способности создавать общую политику, наряду с интеграцией, приведёт к риску дестабилизации².

С другой стороны, «позитивная интеграция» без «негативной интеграции» может быть еще более дестабилизирующей. Другими словами, про-

---

² Pinder J. Positive Integration and Negative Integration // European Integration / ed. F. Roy Willis. New York: New Viewpoints, 1975. Термины существовали и ранее, но в более узком смысле использовались только экономистами. Пиндер расширил их значение и дал этой концепции ее классическую формулировку.

ведение общей политики и организация совместной деятельности, не имея под собой основы в виде свободного обмена капиталом, и без подтверждения своей жизнеспособности путем свободных сделок на рынке товаров и идей, рискует стать обманом, не укоренившись в экономических реалиях и подерживаясь лишь искусственным путем. Фактически Совет по экономической взаимопомощи в конце 1980-х гг. признал, что интеграция экономик стран советского блока, проводимая «сверху», была неудачной. Была сделана поздняя попытка построить внутренние рынки и создать тем самым прочную основу функционирования системы, но экономические реформы не были настолько быстрыми, чтобы предотвратить политический крах ее экономики.

Неустойчивость и прорехи в интеграции.

Хотя как «позитивная», так и «негативная» формы интеграции необходимы, так же, как и некоторое равновесие, тем не менее, не существует определенного количественного баланса, который они должны были бы неотступно поддерживать. По мнению Пиндера, по мере того, как мир становится все более взаимозависимым, необходимо развивать обе эти формы; и когда сотрудничество между странами организуется свободно и по взаимному согласию, «негативная интеграция» является политически более простой, чем «позитивная» (так как первая требует меньшего количества совместных решений, которые можно принимать еще в процессе создания самой системы свободных отношений, тогда как «позитивная» требует большей последовательности в принятии новых решений и делегирования больших полномочий совместным органам). Как таковая, «негативная» интеграция имеет тенденцию более быстрого развития и приводит к неустойчивости, а все большее отставание или дисбаланс может привести к нестабильности³. По мнению Пиндера, не существует такого пути назад, который был бы выгоден, так как попытки создания самоизоляции или сокращения взаимозависимости представляют собой нечто дестабилизирующее и материально разрушительное, а также ведут к моральному и интеллектуальному обскурантизму. Следовательно, необходимо постоянно корректировать дисбаланс, усиливая способности институтов вырабатывать, применять и оценивать совместные решения.

То же самое более или менее можно сказать и по отношению к атлантическим и мировым институтам: там также позитивная и негативная интеграция неотделимы друг от друга, негативная развивается быстрее и для того, чтобы ликвидировать отставание темпов положительной интеграции, нужны коллективные усилия. Однако возможности проведения позитивной коллективной политики на атлантическом уровне менее развиты, чем на европейском. А разрыв больше, но меньше делается для его преодоления, и меньше ожиданий на этот счет, хотя изменения всегда возможны и здесь. На этом уровне не существует общественного обсуждения политической интеграции; никто не ждет разрешения дисбаланса с помощью позитивной интеграции. Соответственно, общественный дискурс, несуществующий по поводу этого

---

³ Впоследствии в докладе Академии наук Нидерландов был определен целый ряд «пробелов в интеграции», или отставаний в позитивной интеграции по сравнению с негативной интеграцией в ЕС. Для каждого из этих пробелов были указаны способы их преодоления, посредством усиления политической стороны институтов ЕС и целенаправленным использованием их правил принятия политических решений.

дисбаланса, принимает форму почти односторонних жалоб по поводу небезопасности и опасности, созданных открытием экономики, и призывов к частичному или полному возвращению в клетку национального протекционизма.

Пиндер, однако, возражает, говоря, что эти разрывы иногда естественны: позитивные аспекты интеграции требуют больших жертв в плане отказа от суверенитета, что, в свою очередь, требует большей однородности в рядах участников. Таким образом, он обнаружил, что наилучшая перспектива в уравнивании интеграции находится на западноевропейском уровне, где общества-участники во многом похожи. С социологической и структурной точек зрения можно заметить, что у атлантических стран общего столько же, сколько и у европейских, так что они тоже должны подходить для развития положительной интеграции, но политическая воля, чтобы разделить суверенитет, слишком слаба на атлантическом уровне. На глобальном уровне социологические отличия также являются острыми, давая выход глубоким различиям в интересах и усложняя процесс позитивной интеграции.

Когда дело доходит до уравнивания двух сторон интеграции, атлантические институты оказываются менее развитыми, чем институты ЕС, не только на практике, но и в определении и обдумывании задач. Они не стремятся к широкомасштабной позитивной интеграции и не склонны думать об этом. В это время давления негативной интеграции всегда продолжает существовать, движимое этическими требованиями убрать «тяжелую руку» государственных препон в обмене идеями и товарами ради взаимного блага, и поддерживаемое мощными торговыми интересами. Таков этот дисбаланс.

В первые послевоенные годы этот дисбаланс был частично смягчен климатом европейско-атлантического сотрудничества, принесшего симбиоз культуры элит, в котором было осязаемое взаимное влияние рождающихся европейского и атлантического уровней организации. В последующие годы атлантические структуры превратились в рутину, в которой вопросы позитивной интеграции редко появлялись на повестке дня.

В 1980-е гг., как мы уже заметили, глобализация ускорилась в плане негативной (свободной) рыночной интеграции. Слово «глобализация» сейчас часто используют лишь в отношении к недавнему усилению тенденции глобализации, забывая о его исторических корнях.

Перемены в 1980-х были впечатляющими. Контроль над капиталом был удалён. Страны Третьего мира начали отказываться от протекционизма и ограничения иностранных инвестиций. Эти ограничения, установленные ради защиты своих рабочих от западного империализма или зарождающейся внутренней промышленности, на самом деле в течение долгого времени защищали богатых западных рабочих от конкуренции с более бедным рабочим классом во всем мире. Сейчас Запад, к своей моральной победе, остался лицом к лицу с конкуренцией.

Было время, когда Западные страны и их трансатлантические организации начали отказываться от государственного вмешательства. Тот же подход был применен и к глобализации. Смогла ли внутренняя идеология превратиться в международную политику? Или это было отражением фазы в долгой борьбе американского либерально-рыночного глобализма против

коммунизма, другого великого глобализма, в период Холодной войны? Администрация Рейгана ответила на коммунистическую идеологию призывом к полному открытию рынков и финансовых потоков. Ее лозунгом был свободный рынок. И ее ориентированная на рынок политика действительно доказала свою динамичность. Но она также была односторонней.

Глубокие теоретические корни: свободный и социальный рынок.

Цель сбалансированной полной интеграции ЕС базировалась на более уравновешенной концепции свободного рынка, иногда называемой «свободный и социальный рынок». Эту концепцию развили теоретики и практики немецкого экономического чуда, такие как Людвиг Эрхард. Можно проследить ее связь с теорией свободного рынка Лайонела Роббинса не как факта природы, коррумпированного правительством, но как социального артефакта, который растет вместе с мудрыми законами и регулированием правительства. Законы нужны для определения условий свободного обмена, методов сохранения честного и свободного обмена для обеих сторон и пограничных условий рынка. Первичный рынок естественного государства далек от свободного: он ограничен дорожными грабителями, местными группировками, традициями кланов, институтами порабощения, мощными традиционно ориентированными местными властями, освящением антиэкономических привычек и отсутствием таких институтов как общая валюта или банковское дело, нужных, чтобы хорошо отладить обмен. Правительство освобождает рынок от первобытных цепей. Хотя плохое правительство может задушить рынок, хорошее правительство важно для создания свободного рынка. Хорошее правительство на международном уровне освободило бы международный рынок от его первобытного хаоса и разрушительности местных властей, которые своими патриотическими и протекционистскими рефлексам дают политическое преимущество самым зловещим политическим интересам. Такими были теоретические воззрения Роббинса который был членом Британской делегации на Бреттон-Вудских переговорах и который заложил основы Бреттон-Вудских институтов и чьи практические взгляды были близки взглядам Клейтона в США⁴. Правительство устанавливает рамки и границы условий национального рынка; национальные границы стали слишком малы для все развивающегося рынка. Международное правительство необходимо, чтобы установить условия свободного рынка.

Клейтон и Роббинс были за свободную рыночную экономику, но со сбалансированной концепцией рынка. Это был их «встроенный рынок», как сказали бы экономисты-институционалисты. В самом деле, атлантические и Бреттон-

---

⁴ См. Robbins L. Economic Planning and International Order. 1937, Fossedal G. Our Finest Hour: Will Clayton, the Marshall Plan, and the Triumph of Democracy // Hoover Institution Press Publication. No. 412. За несколько десятилетий до того, как Фосседаль написал свою работу, в своей неопубликованной диссертации по Клейтону Причард, впоследствии основавший факультет международных исследований в колледже Родс, также показал центральную роль Клейтона в плане Маршалла. Хотя существует много документальных свидетельств значимости роли Клейтона, его деятельность не получила широкой огласки, поскольку Клейтон не стремился к известности как многие другие, участвовавшие в осуществлении плана Маршалла. Первоначально автору стало известно о роли Клейтона из личных бесед с людьми, близко сотрудничавшими с Клейтоном в 1950-1960 гг. в движении Атлантического Союза.

Вудские институты сами были институциональным звеном для встраивания международной экономики. Роббинс объяснял, что свободное предпринимательство *laissez-faire* было лишь краем либерализма и был далек от представления всего либерализма. Это просто было в духе времени, ассимилируя реформы, проводимые по принципу *New Deal*, больше для рынка, чем для социализма.

Неолиберализм 80-х и 90-х гг. стал двигаться в противоположном направлении, назад к *laissez-faire*, по крайней мере, по духу. Согласно анти-государственной версии теории общественного выбора Джеймса Бьюкенена, правительственная «структура» Роббинса восстановится более относительной: это не структура, созданная для рынка, но отличная от рынка, поскольку она сама обладает рыночными характеристиками: стремлением к получению прибыли, коррупцией и искажениями. «Неудача государства» гораздо более вероятна и всеобъемлюща чем «неудача рынка» (то есть, невнимание к внешним угрозам), которая часто упоминается в качестве оправдания государственного вмешательства в рыночную экономику. Манкур Олсон ответил на это утончённой переформулировкой позиции, высказанной Роббинсом, используя термины и инструменты теории общественного выбора. Он проследил связь между корпоративистским авторитаризмом и анти-государственной теорией в XX веке и заново продемонстрировал необходимость мощного государства для создания структур, требуемых для создания свободного рынка и укрепления свободы общества⁵.

США, как любое государство с истинно рыночной экономикой, обладает «свободным и социальным рынком», однако никогда не принимали подобную формулировку. Вместо нее в США использовалась оставшаяся в наследство от «Нового Курса» фраза «смешанная экономика. Это не предполагало синтеза свободной и социальной составляющих рынка, укрепления обеих сторон. Идея «смешанной экономики» была скорее компромиссом между капитализмом и социализмом, это было нечто, не удовлетворяющее ни тех, ни других, но могло рассматриваться как промежуточный этап, как нестабильная смесь противоречивых систем, которые не могут долго сосуществовать. Эта формула предполагала реакцию во имя восстановления свободного рынка.

Формула «свободный и социальный рынок» позволила Германии выбирать попеременно между социал-демократами и христианскими демократами, не опасаясь взрывов и революций. Это предполагает серьезный синтез, при котором акценты могут перемещаться и вправо, и влево, без идеологических конвульсий, движение в любом из направлений не нарушает общего равновесия. В свою очередь, формула «смешанная экономика» предполагает хрупкое равновесие, которое рано или поздно должно нарушиться в пользу какой-либо из сторон.

С течением времени – в начале 1980-х, действительно, произошел идеологический сдвиг против «социального» элемента. Американская система социального обеспечения – в принципе, один из необязательных элементов

---

⁵ Olson M. *The Logic of Collective Action*. 1962. Взгляды Олсона восходят к взглядам Дэвида Юма. Роббинс, в свою очередь, привлёк внимание в XX веке к работам друга Юма, Адама Смита. Незадолго до своей смерти Олсон использовал эти взгляды, чтобы обосновать необходимость существования эффективного государства для осуществления нормального перехода от социализма к рынку на территории бывшего Советского Союза.

«Свободного и социального рынка», поскольку оно было относительно чужеродным элементом, необязательным для синтеза – на деле оказалось невозможно искоренить, настолько оно разрослось имея за собой огромную аудиторию заинтересованных лиц. Тем не менее, этот идеологический сдвиг произвел эффект на некоторые наиболее уязвимые сферы экономики: те, которые были связаны с наименее сильными в политическом отношении группами; пострадали, например, правила, необходимые для защиты окружающей среды, а также политические факторы, важные для международного экономического сотрудничества. Снижение регулирования имело и положительные стороны: чрезмерное регулирование душит инновации, существует также вероятность «неудавшегося государства», когда регулирующие бюрократические структуры расширяют диапазон регулирования значительно шире того, что действительно необходимо и превращают рыночные решения в политический футбол между группами интересов, которые борются за принятие соответствующих решений регулирующими органами. Иногда важные элементы рыночной структуры уничтожаются в результате реального или возможного искажения её.

Перспективы восстановления баланса

Недавняя тенденция возвращения к *laissez-faire* капитализму зачастую ассоциируется в современном дискурсе с «глобализацией». Однако, как мы видели, это довольно недавнее изменение настроения. Оно противоречит духу, который сопутствовал созданию глобализационных институтов и не является органическим элементом глобализации. Джордж Сорос назвал это явление «рыночным фундаментализмом», имея в виду, что сторонники рынка сам по себе не является фундаменталистским, однако, как все хорошие вещи, рынок порождает среди своих идеологических приверженцев определенное число склонных к необдуманным упрощениям, которые наносят вред всему делу.

Крайности современных идеологических течений, соответственно, не являются неотъемлемой чертой атлантизма или глобализации, или их институтов, это всего лишь фаза, которая рано или поздно пройдет. Корни этой фазы можно найти в некоторых отношениях и эпифеноменах позднего периода «холодной войны».

Как и с любым нарушением изначального баланса в международных экономических институтах, естественным было бы возвращение к рыночному центру. Поворот институциональных культур в направлении их изначальных взглядов, реформация структур для развития позитивных способностей для совместной выработки политических решений, в том числе по совместному регулированию глобализации, стало бы весьма уместным шагом по отказу от наследия «холодной войны». Сами по себе эти институты должны продвигать идеи подобной реформации, поскольку это соответствует их интересам, укрепляет их структуру.

Возможно, существует конфликт между бюрократией на национальном и интернациональном уровнях. Профессор Бьюкенен не согласен с тем, что эгоистичный интерес институциональной бюрократии может привести к «неудаче государства». Другие, однако – например, представители теории «международных режимов» в 1970-е гг. и более ранние представители неофункциональной теории европейской интеграции – считают, что институ-

циональный интерес международной бюрократии приводит к успеху правительств на международном уровне и преодолевает близорукое местничество национальной бюрократии.⁶

В то время, как и атлантические и полуглобальные Бреттон-Вудские институты нуждаются в идеологической реформации, возвращении к своим сбалансированным изначальным взглядам, атлантические институты более способны осуществлять реформацию на практике. Это так, поскольку государства-члены – индустриальные демократии Европы, Северной Америки и тихоокеанского региона – имеют достаточно много общего для осуществления масштабной программы позитивной интеграции. Бреттон-вудские институты, напротив, на практике обречены только на весьма ограниченное восстановление баланса.

Пока что данная реформация не произошла, против нее был направлен триумф по поводу победы в холодной войне. В среднесрочной перспективе это может произойти из-за обратной реакции, имеющейся в любой стране Запада и направленной против неопределенностей глобализации. Эта реакция имеет возможность перерасти в экстремистскую национал-протекционистскую реакцию, но если бы страна Атлантики стала бы двигаться в том направлении, институты Атлантизма пытались бы умерить реакцию и предоставить ей возможность более спокойного выражения.

В каком-то смысле институты Атлантизма обладают большими, чем европейские, возможностями для сочетания роли продвижения и защиты глобализации. Причина в том, что атлантическая группировка является гегемоном экономической мощи на мировом уровне: на ее долю приходится 60% мирового ВВП – цифра, стабильная на протяжении десятилетий.

Атлантические страны всегда вели себя как фактические руководители в рамках международных организаций – МВФ, Мирового Банка, ВТО – организациях, олицетворяющих глобализацию экономики. Право большинства голосов в МВФ и Международном Банке обеспечивают им ведущую роль; и эта реальность является просто практическим выражением веса тех 60% ВВП, который, так или иначе, отражается на всех мировых экономических институтах.

Мировые организации часто были побуждаемы действовать на основаниях, которые не считаются с реальностью ведущей роли Атлантики. Но когда по-

---

⁶ Данная точка зрения, разработанная Эрнстом Хаасом и его последователями, может рассматриваться как продолжение тезиса Лайонела Роббинса о том, что международные интересы необходимо приводить в соответствие с внутри-национальными интересами, которые в противном случае могут легко привести к ложным призывам к патриотизму и уведут национальную политику от истинного национального интереса. Международные правительственные интересы необходимо выстраивать в равновесии с национальными правительственными интересами. Роббинс продолжает разрабатывать тезисы Мэдисона о необходимости уравновешивания широких и узких местных интересов, а также тезисы Гамильтона об опасности, которую могут представлять для широкой экономики узкие эгоистичные местнические интересы. И Мэдисон, и Гамильтон продолжали линию рассуждений Юма и представителей шотландского Просвещения: эгоистичное и меркантильное внимание к интересам друзей является естественным, более того, это основной связующий позитивный фактор, опасность возникает, когда эгоизм преобладает на местном уровне и не приводится в равновесие с более широкими интересами. Подобный баланс может быть достигнут только при включении тех групп, чьим эгоистичным интересом и является соблюдение данных более широких интересов.

добные попытки предпринимались, результатом было не изменение действительности, а ослабление глобальных организаций, превращение их в слабые и громоздкие конструкции. Именно реалистичные Бреттон-Вудские организации были двигателями глобализации и открыв богатые страны для конкуренции со стороны низкооплачиваемых рабочих, сделали больше всех для развития бедных стран.

Руководящую роль необходимо исполнять ответственно, с учетом интересов как самого лидера, так и остального мира в целом. Всё это требует сознательности и единства в исполнении данной ведущей роли. Более сплоченное единство на Атлантическом уровне означало бы более сильные гарантии предотвращения глобальной нестабильности мировой экономики, которая наступает каждый раз при возникновении торговой войны либо войны валют между великими экономическими державами. Общемировая валюта, как отметил экономист из Гарварда Ричард Купер, началась бы неизбежно с балансировки доллара, евро и иены; одного этого было бы уже достаточно, чтобы избежать основных рисков валютных колебаний и значительно упрочить основы мировой экономики

Нехватка единства среди стран Атлантики, искушающая другие страны на игру с ними из-за властно-политических мотивов, станет катастрофой для всей мировой экономики, как показывает опыт 1930-х, и отсюда вытекают последствия, угрожающие миру и безопасности. Большая часть стран уже признала этот факт; от России до Африки и Восточной Азии, тенденцией последних лет является пожелание Атлантическому сообществу цельности и единения. Тем не менее, Атлантическое единство создано лишь частично, в некотором смысле потому, что Атлантика сама не всегда осознает факт своей ведущей роли в мире, а также ответственности, которую эта роль влечет.

Оптическая иллюзия.

С точки зрения большинства посткоммунистических стран, таких как Россия, Атлантизация и глобализация часто выглядят одним и тем же процессом. Это, как очевидно, оптическая иллюзия. Достаточно взглянуть на определения этих процессов, чтобы понять разницу между ними. Интеграция с экономическим миром Атлантики сильно отличается от интеграции с Третьим миром, последствия для России обоих этих процессов отличались бы весьма существенно. В Третьем мире зарплаты ниже, чем в России, население больше, оно растет. Россияне могут бояться вездесущей глобализации и интеграции с третьим миром, которая может значительно снизить уровень заработной платы в России. В атлантическом (или первом) мире ставки выше, население больше. Россияне могут надеяться на интеграцию с первым миром, которая может значительно повысить уровень заработной платы. В некоторой степени реальные страхи и надежды россиян следуют изложенной схеме.

В то же время благодаря оптической иллюзии страхи и надежды переплетаются друг с другом. Как в случаях с большинством иллюзий, в данном случае необходимо смотреть и сквозь иллюзию, и поверх ее, анализируя причины, которые эту иллюзию порождают. Например, с институциональной точки зрения, экономическая глобализация означает для России вступление в МВФ и ВТО, экономическая атлантизация означает вступление в Большую Восьмерку и Организацию экономического сотрудничества и развития. Эко-

номические стандарты для вступления как в те, так и в другие организации одинаковы, вступительные требования переплетаются. Страны-«привратники», с которыми Россия должна достигнуть соглашения, чтобы вступить в эти организации, в принципе – те же самые. И кажется, что всё это вместе из одной серии дел, которые России предстоит осуществить. И поэтому склонность уравнивать два процесса естественна. Вместе с тем, уравнивание этих двух процессов остается ошибкой: атлантизация и глобализация не одно и то же, каждый процесс подразумевает вступление в разные институты, социально-экономические последствия этих действий тоже разнятся.

Тем не менее, в данной ошибке есть зерно правды, в том смысле, что атлантизация – процесс полусознанный, неформальный и содержит в себе большой элемент двигателя глобализации.

Одна из причин, почему русские боятся атлантизации, заключается как раз в том, что атлантизация часто приравнивается к глобализации, и таким образом ассоциируется со всеми экономическими опасностями, которые вызывает глобализация, наравне со страхом утраты национальной идентичности, границ, цивилизационного наследия. В то же время сообщества Атлантики так же опасаются глобализации⁷. Эти опасения постольку поскольку они логически обоснованы не означают опасений одного члена сообщества другого. Атлантизации свойственно скорее усиливать широту интересов и культурного наследия своих участников, чем угрожать им. И даже эта угроза, в случае ее возникновения, была бы внешней, возникала бы вследствие отдельных направлений политики глобализации. Если бы различие между двумя явлениями осознавалось четче, это помогло бы России сформулировать национальную экономическую стратегию.

Атлантизация – глобализация: противоречивость взаимоотношений.

Как только мы осознаем элементы взаимного ограничения, так же как и взаимной поддержки атлантизации и глобализации, мы обнаружим в результате всю сложность их взаимодействия. Это взаимодействие, содержащее как элементы противоречий, так и дополнения, хотя дополнение – более объемный и долгосрочный элемент. Говоря языком, который использовался в эпоху коммунизма, это «диалектические» взаимоотношения, поднимающие вопросы потребности друг в друге и взаимных противоречий. Действительность современной ситуации соответствует старому и отвергнутому языку. Также противоречивые отношения складываются вокруг стран, вступающих

---

⁷ Когда говорим, что Запад боится потери цивилизационного наследия, мы рассматриваем здесь сам факт этого страха, а не его основательность. Этот наследие, с некоторыми исключениями, – то же, что бояться потерять русские. Моисей и Хаммурапи – это «наша» античность, как для американцев, так и для русских. Гомер, и Сократ, и Иисус – это «наш» классический мир. Я был поражен этим фактом во время чтения поэзии Мандельштама, как будто вызывающего дух Гомера в коллективном подсознательном, чувство молодежи и предков, общечеловеческой универсальности, бесконечности и узости пространства, и всё это одновременно. Это стало возможным не потому, что Гомер писал в молодости, но потому, что с точки зрения большинства русских, он писал в молодости «нашего» общества. То же самое можно сказать об Америке, Швеции или Франции: везде в европейском мире он «наш» Гомер. Этого не могло случиться в Китае, Индии или Африке: там Гомер был бы, в лучшем случае, светилом из другой страны, каким Сунь-цзы был бы для «нас».

в Атлантическое сообщество. Поскольку Россия (как и другие бывшие коммунистические страны) подвергается атлантизации, это является не просто линейным движением, подталкивающим эти страны в сторону глобализации, но скорее движением «диалектического» характера: открытие российской экономики Западу – более или менее линейного характера и одновременно ведущее также к открытию для мировой экономики в целом – приводит также к частичной реформации и реконсолидации международной политической идентичности России на субглобальном уровне (атлантическом). Укрепление национальной идентичности может происходить за счет прибавления к ней дополнительного цивилизационного уровня, заодно снижая националистические формы выражения национальной идентичности.

Атлантизм как идентичность: слабые и сильные стороны.

Определить отношение сущности атлантизации к сущности идентичности довольно сложно. Новое отождествление, которое включает в себя понятие Атлантизма (а именно быть «атлантической» страной или одной из «индустриальных демократий»⁷), не является состоятельным. Иногда его едва можно заметить. Тем не менее, эта идентичность показала свою стойкость. Более того, она оказалась способной к выходу за рамки обычной классификации атлантических стран. Она включает в себя страны, которые еще недавно и не могли рассматривать себя как атлантические, а теперь стали частью этой самой идентичности.

Новая идентичность накладывается на национальную или даже находится между национальной и общемировой. Последняя еще более размытая. Она является предметом довольно противоречивых концептуализаций в разных странах. Более того, каждая страна понимает эту самую идентичность как часть собственной принадлежности к человечеству. В данном случае атлантическая идентичность служит как бы посредником. Она не вызывает острых противоречий, а носит характер солидарности. Иногда ее описывают как принадлежащую к «общине с одной судьбой», но она далека от того уровня, на котором находится европейская идентичность. Ее усиливают такие общественные институты, как ОЭСР, Большая Восьмерка, НАТО. Именно они в полной мере раскрывают смысл понятий «совместные планы», «общая память», «общее будущее». Институты и идентичность поддерживают друг друга, и, по мере того, как углубляется интеграция, они помогают строить друг друга.

Атлантическая идентичность существует также в «диалектическом» взаимодействии с общемировой идентичностью.

На протяжении всей истории мирового развития атлантической группировке отводилась роль носителя идеи атлантизма. Идея же общемирового развития заключается в принадлежности ко всему человечеству и ко вселенской истории. Идея атлантизма, таким образом, не была бы полной, если бы не заключала в себе идею глобализма. Тем не менее, это не означает полной идентификации со всем человечеством в стремительном процессе глобализации.

---

⁷ «Индустриальные демократии» – название, под которым известны группировки в сравнительной политологии – отрасли политической науки. Оно оперирует с реальной действительностью, даже если такому компоненту реальности, как международные отношения (трансатлантические институты), не уделяется внимание.

Это само по себе важно. Оно также имеет отношение к интересам России. С точки зрения различий между атлантизмом и глобализмом, которые мы только что определили, вполне очевидно, что некоторые опасения России относительно атлантизации являются лишь проявлением «ошибочной идентичности».

Исторический обзор.

Давайте проследим процесс с исторической точки зрения. Глобализация, как напоминает нам британский экономист Лейгрэйн⁸, началась в 1492 г. Если быть более точным, она получила свое развитие с началом путешествий к берегам Африки, вдоль побережья Азии, продолжилась с открытием Америки и оформилась как процесс в кругосветных плаваниях.

Развивающаяся медленными темпами экономика Евразии испокон веков существовала, соединяя китайскую и индийскую роскошь с европейскими товарами в один рынок. на формирование цены и доступность продукции, не важно как (прямым образом или случайно) оказывал влияние "глобальный" рынок. Однако, благодаря кругосветным плаваниям вокруг Африки, медленно развивающийся евразийский рынок дополнялся со стороны быстро развивающейся морской торговли, которая географически охватила уже весь земной шар и шаг за шагом проникла в наиболее отдаленные зоны (Африку, Южную Америку и Арктику). Помидоры проделали путь от Америки до Европы, затем, соединившись с китайской лапшой, было положено начало итальянской кухне. Американский картофель спас множество европейских крестьян от голода. Этот факт, наряду с прогрессом науки и техники, способствовал росту европейского населения, включая Россию. Это происходило до тех пор, пока в XX веке численность населения не «выровнялась» из-за перемен в уровне рождаемости, являющихся следствием урбанизации и повышения уровня образования; в то время, когда глобализация в области медицины и индустриализации сделала возможным быстрый рост населения в остальном мире.

Сама по себе НТР, уходящая корнями в средневековые интеллектуальные традиции и в эпоху возрождения, была еще в зачаточном состоянии, когда была открыта Америка. Это открытие удвоило протяжённость познанного мира, положив конец сомнениям по поводу шарообразности Земли, неадекватному восприятию космоса и показав существование множества «новых субстанций под солнцем» – удивительных новых субстанций, видимых невооруженным глазом. Это произошло задолго до того, как Галилео потряс представления о мире интеллектуальной элиты, поместив солнце в центр планетарной системы и обнаружив новые «планеты» (луны Юпитера) в солнечной системе.

Открытие Америки гарантировало успех развитию науки эпохи Возрождения, что обеспечил Ньютон два века спустя, закрыв эру «космологического хаоса» и закрепив достижения века Просвещения. В свою очередь, благодаря набравшему темпы научно-технологическому прогрессу все достижения эпохи Ренессанса приобрели облик явного «предвкушения»: стоимость и время морских перевозок значительно снизились; почта была вытеснена телеграфом, телефоном и теперь уже компьютерными технологиями для

---

⁸ Legrain Ph. Open World: The Truth About Globalization. Chicago, 2004. Лейгрэйн работал в ВТО. Иногда его изображают как ведущего экономиста Великобритании.

осуществления мгновенной связи; стоимость такого рода средств коммуникаций уменьшилась в геометрической прогрессии всего за прошедшие годы; возможность обработки и передачи информации растут в геометрической прогрессии, и будут расти до бесконечности; деньги, в отличие от товаров, стали легко конвертируемыми благодаря новым дешёвым технологиям. Но давайте вернемся к эпохе «предвкушений», ибо именно она являлась периодом, когда были заложены основы глобализации.

Глобалистические тенденции впервые возникли на юге и юго-западе Европы в XV в. Итальянские мореплаватели и финансисты играли огромную роль в это время, но вскоре оказались вытесненными тем самым покорением Атлантики, начало которому они положили. К XVI в. лидерство постепенно передвинулось к северу Атлантики: от Испании и Португалии к Голландии, Англии и Франции. В то же время оно перешло в руки протестантов (лидерство в области НТР переходило параллельным путем от Италии к Франции, Голландии и Англии). К 1763 г., после поражения Франции, английский флот стал гегемоном в Атлантическом океане, а английские колонизаторы – гегемоном на северо-американском континенте, а вместе с тем и в процессе глобализации.

Сочетание атлантизма и глобализации могло бы продолжать развиваться под англо-американским лидерством с тех пор по настоящее время, если бы не одно событие: Война за независимость с участием французов, стремящихся отомстить Империи, расколола Атлантическую империю как таковую. Ретроспективно, тем не менее, североатлантическое лидерство в процессе глобализации осталось неизменным; просто после 1776 г. у третьих стран появилось больше шансов, чем могло бы быть, для возврата к роли конкурирующих держав.

В 1800-е гг. Британская империя и Британский мир развивали экономическую глобализацию с помощью политики свободной торговли, золотого стандарта, который обеспечивался фунтом стерлингов, и роли Английского банка как кредитора, в последней инстанции. Эта роль в какой-то степени, с более жёсткими условиями, напоминала роль МВФ сегодня. В период между двумя мировыми войнами глобальное лидерство Британии угасало, однако Америка не стремилась подхватить эстафету руководства и, поэтому, мировая торговая и финансовая система слабела, в конечном итоге прийдя к катастрофе Великой Депрессии 1929-1931 гг. После 1945 г. Соединенные Штаты использовали политику умеренного протекционизма, используя аргументы, которые позже были взяты немецкими экономистами-приверженцами национализма. Они способствовали глобализации гораздо больше, чем Великобритания, переняв в итоге ее ответственность лидерства в торговле и финансовой системе и одновременно дав этой системе, отдавая дань антиимпериалистическим национальным традициям, многостороннее институциональное воплощение в Бреттон-Вудской системе.

Несмотря на прочную роль в развитии глобализации, Великобритания по своей природе всегда оставалась европейской страной. То же самое справедливо в отношении Америки: не смотря на ее сильные позиции в распространении глобализации и всемирный язык в документах отцов основателей, Америка по су-

ществу остается боковой ветвью Европы с европейским (в данном случае то же самое, что Атлантическим) идентичностью в своей основе.

Британская идентичность в золотой для неё век развития глобализации двигалась не по прямолинейной траектории от Нации к Империи и глобализму, а шла в обход через идентичность Европы. Американская идентичность сегодня не следует прямолинейной траектории от нации к глобализму, а идет в обход через систему союзов, центр которых лежит в Европе.

Британская империя всегда оставалась дружественной с некоторыми оговорками и отклонениями по отношению к другим империям Европы, поскольку так же, как и они, играла роль объединяющей цивилизации или объединяющего руководителя на протяжении глобального развития человечества. Она надеялась также разделить эту роль с большой заокеанской пристройкой Европы – с США – и опередить те европейские страны, которые оспаривали эту роль. Это было отклонение, о котором мы упоминали выше. В то время это казалось естественным для британцев.

Первые теоретики Американского атлантизма 1880-х и 1890-х гг.: Джон Фиск, Альфред Мэхен и Теодор Рузвельт, – разделяли концепцию о том, что путь к универсальной цивилизации лежит через главенство европейских цивилизаций, и в этой ведущей цивилизации американская и британская являются самыми развитыми. Однако в целом американское общество не полностью разделяло эту теорию из-за идеологических традиций, полученных в наследство от антибританской революции 1776 г. В XX веке Америка поддерживала Великобританию в борьбе с противниками объединения внутри Европы, но она продолжала противостоять Британской и другим европейским империям во внешнем мире. Тем не менее, в середине XX века она подчеркивала эту особенность своей традиции как часть развития либеральной идеологии в соперничестве с коммунизмом. Результатом было ослабление старого самосознания и уходящего корнями к колониальным временам с присущей ему ролью европейцев в неевропейском мире.

Соединенные Штаты на протяжении XX века оставались страной европейской, а не прямолинейно глобалистской. На уровне институтов Соединенные Штаты даже в ходе развития глобализации укрепляли связи с Европой, с европеизированной Японией и «азиатскими тиграми». Стратегически, Соединенные Штаты чаще и серьезнее действовали через свои союзнические европейские структуры, чем через глобальные институты. Экономически – а в этой сфере обсуждение глобализации идет в Америке так же жарко, как и везде – трансатлантические связи с их чрезвычайно широкой торговлей, инвестициями, подрядами и субподрядами, и взаимопроникновением собственности остаются самыми глубокими. Этнически в последней трети XX века Америка постепенно стала менее европейской, но все равно около 70 % населения имеют европейские корни.

Тенденция к глобализации с этнической точки зрения начинает боязливо восприниматься многими американцами как утрата национальной идентичности и угроза национальному наследию, ведь здесь также существует сопротивление глобализации. Проблемы иммиграции в Америке и Европе становятся все более схожими, в отличие от прошлых веков, и создают все

большее трансатлантическое сходство, словно обе половинки Атлантики становятся все менее европейскими. В Америке существует особая боязнь потерять идентичность, как в результате массовой иммиграции, так и через развитие идеологии мультикультурности, которая подразумевает, что иммигранты будут перенимать только идеологическую сторону новой американской жизни - универсальные принципы Декларации независимости, а не идеологию общества, произрастающего из Европы. Однако фактически европоцентристская тенденция преобладает среди американских иммигрантов, даже если это происходит не так осознанно и последовательно как ранее. Сокращение рабочих мест или «гонка за самой дешёвой рабочей силой» вызывает страх потерять национальное наследие, каковым американские рабочие считают национальный капитал. Иначе говоря, они стремятся к применению национального капитала путём инвестиций в собственные рабочие места.

В этих опасениях, национализм Соединенных Штатов вписывался в общеевропейскую ситуацию, т.к. боязнь глобалистских тенденций также ощущалась и в Европе, и в России. И в этой связи Атлантическое сообщество обеспечивало убежище для американской самобытности и интересов место, где национальная идентичность могла самоутвердиться и решить свои внутренние проблемы в мягкой форме без возврата к националистической идеологии. Потенциально она могла сыграть важную роль защитного наружного слоя или оболочки и сделать это, если концепция свободной торговли потерпит поражение. В этом случае она могла бы создать ситуацию скорее для умеренного протекционизма, нежели для национально-протекционистской экономии. Такая ситуация сочеталась бы с последующей постепенной и подконтрольной глобализацией при сохранении глубоко интегрированной трансатлантической экономики с увеличением степени общей открытости атлантических обществ.

Боязнь глобализма в Америке созвучна некоторым опасениям, проявляющимся в России, где они порой принимают националистическую окраску наряду с полемикой против американизации, атлантизма и глобализации. Парадокс заключается в том, что русские разделяют американские опасения слишком близкого и слишком быстрого приближения к третьему миру, и в то же время выражают это в смысле слишком тесного приближения к Америке. Хотя для этого есть серьезные причины, здесь также существует элемент непонимания. По своей природе это не национальные страхи, хотя и проявляющиеся националистически, а боязнь потерять статус и социальные условия всего уходящего в Европу сектора мира. Это панъевропейские или трансатлантические страхи. Сам тип этих страхов может обнаружить как негативную сторону структуры общей идентичности, так и позитивную, которая строится на общих надеждах, воспоминаниях и планах.

Взаимодействие глобализма и атлантизма в американской политике.

Соединенные Штаты сыграли ведущую роль в создании практически всех основных международных институтов: ООН, НАТО, ОБСЕ, ВТО, МВФ, МБРР. Даже ЕС, в который США вступить не могли, создавался во многом за счет спонсорской поддержки США, что сходно с ситуацией создания Лиги Наций, в которую США также не вступили.

Здесь можно выделить три уровня учреждений, которые были созданы при помощи Америки: глобальный уровень, Атлантический уровень и Европейский (или региональный) уровень. Каждый уровень имеет свои специфические характеристики и собственную идеологию, но также все они являются, в некоторой степени, выражениями интернационализма.¹⁰

Какой уровень предпочитает Америка? Атлантический уровень – это тот уровень, который в наибольшей степени отвечает интересам Америки, поскольку является сообществом сходных демократий, чей общественный строй и рынок труда не представляют и не могут представлять угрозы друг для друга. Тем не менее, часто, вне идеологических установок, Америка, кажется, напротив отдает предпочтение институциональному строительству на глобальном уровне.

Примеры такого предпочтения легко найти. Атлантическая Хартия поддерживала создание ООН, что говорит о политической глобализации, даже несмотря на то, что она была названа «Атлантической» и ее ядром были Атлантические союзники как создатели организации. Мы здесь также видим диалектическое взаимоотношение между атлантическим и глобальным уровнями, но эти взаимоотношения приобретают урезанную форму, при которой атлантический уровень используется как чисто транзитная политическая база для прыжка на глобальный уровень. Подобно этому президент Вудро Вильсон пытался создать Лигу Наций, на базе военного союза, от которого он был готов отказаться после победы; французы требовали, чтобы Англо-американский договор гарантировал безопасность Франции от возможной агрессии Германии. Этот договор был бы предвестником НАТО и положил

---

¹⁰ Америка продвигала идею регионального объединения не только в Европе, но все же Европа была самым важным пунктом. После первых успехов в Европе в 1940-50-х гг., Америка начала продвигать региональное объединение во многих других регионах мира- Латинская Америка, Юго-восточная Азия, Африка, средне -восточная и южная Азия, тихоокеанская Азия. Некоторые американцы страстно поддерживали эту политику, считая ее практически путем к спасению, не только от коммунистической дестабилизации, но и от избытка национализма в пост колониальной эре: путем соединения деколонизации и интернационализма, она давала надежду на преодоление идеологических противоречий внутри прогрессивной политики, которая выступала за анти-империализм и деколонизацию, в то же время стремясь каким-либо путем избежать про-национализма. В местах действия данной политики было создано множество региональных организаций , но ни одна из них не достигла даже близко той глубины объединения, которая была достигнута в Европейском Союзе. Относительно успешными оказались организации, ориентированные на рыночные реформы и на торговую экспансию, объединяя регионализм с глобализацией: Европейский Союз, АСЕАН, ОПЕК. Холодная война послужила причиной создания АСЕАН, но он пережил холодную войну и начал объединение рынков коммунистических стран, находящихся по соседству, в которых происходило экономическое реформирование. Нео-функционализм, являющийся доминирующей школой в теории международного объединения 1960-х гг., говорит о том, что региональная интеграция имела успех в Европе и потенциально будет иметь успех на уровне Организации экономического сотрудничества и развития, в то же время терпит крах в других странах, так как только современные индустриальные общества, с четко выраженной формой представительной демократии и группами лобби, могут создать сеть взаимопроникающих через национальные границы интересов и объединить их суверенные силы, не нанося серьезного вреда своим властным структурам, и потому что их группы интересов однажды смогут мобилизоваться и объединиться на транснациональном уровне, смогут закрепить экономическую интеграцию на политическом уровне и по инерции распространять ее от одного звена к другому.

бы начало стабилизации в послевоенной Европе, но Вильсон принял этот план как бы между прочим. Лига Наций была создана несмотря на то, что Америка не ратифицировала её создание; для вступления в силу Договор о Гарантиях нуждался в Америке, и после того, как вступление США в Лигу Наций провалилось он даже не был представлен на рассмотрение в Сенат. И лишь в 1949 г., после того как США прошли через две мировые войны бок о бок со своими атлантическими союзниками, они взялись за установление Атлантического Союза в мирное время.

С тех пор атлантизм становится более распространенным: Совет по Иностранным Делах, который был сформирован после Первой Мировой войны, поддерживал концепцию атлантизма, и западноевропейским отделом Гос. департамента руководили такие люди, как Джон Хикерсон и Теодор Эчилс, придерживавшихся четких атлантистских взглядов, которые можно назвать идеологией атлантизма. Эти взгляды были сформулированы в книге, которой они оба восхищались: «Объединение сейчас: Предложение федерального объединения Северо-Атлантических демократий», написанной журналисткой Лиги Наций (снова атлантистско-универсалистская диалектика) Кларенс Стрейт⁹.

Хикерсон и Эчилс играли решающую роль соответственно в формировании идеи НАТО и в переговорах по договору НАТО. До последнего момента многие люди рассматривали НАТО как временную меру; создание организации часто объяснялось как мера по обеспечению региональной безопасности, которая допускалась Хартией ООН и являлась необходимой в условиях, когда Совет Безопасности оказался в безвыходном положении из-за вето Советского Союза. Все доводы и работы, касающиеся международной организации, говорили о ней как о дороге к миру во всем мире и спасению, в то время как создание региональной организации считали необходимым элементом для упорядочения региональных отношений. Промежуточный, трансатлантический уровень организации – который можно было назвать межрегиональным с географической точки зрения, или межконтинентальным регионом с социальной точки зрения – уровень, которому уделялось гораздо меньше внимания, и его организации реже рассматривались отдельно в разных контекстах, нежели как единая система. Именно промежуточный Атлантический уровень является практически единственным, на котором были решены некоторые из наиболее важных международных вопросов. Главным образом через этот уровень американцы, европейцы и японцы решают проблемы глобальной стратегии и находят решение большинства проблем.

Но можно отметить три исключения из общего небрежного отношения к Атлантическим институтам. Первая книга под названием: «Объединяя демократии: институты возникающей Атлантико-Тихоокеанской системы» Джеймса Хантли ранее находившегося на дипломатической службе США¹⁰, он дает энциклопедический обзор Атлантических институтов, предварительно уделяя внимание их системным аспектам, европейским подсистемам.

⁹ Streit, Clarence K. *Union Now: A Proposal for a Federal Union of the Democracies of the North Atlantic*. New York: Harper, 1939.

¹⁰ Huntley, James R. *Uniting the Democracies: Institutions of the Emerging Atlantic-Pacific System*. New York: New York University Press, 1980.

темам, Бреттон-Вудсу и глобальным суперсистемам, и взаимоотношениям этих систем. Хантли считает невидимость Атлантических институтов слабостью системы на субъективном уровне, а также одним из недостатков изучения международных отношений – недостаток, который он надеялся устранить при помощи своей книги.

Вторая книга принадлежит Санторо – итальянскому учёному, который описывает Атлантическую систему как центральную подсистему глобальной системы. Такая формулировка подходит к нашей теме диалектического взаимодействия между Атлантическим и глобальным уровнями. Третья книга – «Атлантическая система» более ранняя (1940) представляет исторический обзор развития Атлантизма как системы стратегических отношений с 1820-х г.г., и как настроение умов с 1890-х г.г., ожидающее установления своих институтов, которое должным образом произошло спустя 10 лет после публикации книги. Сама книга явилась частью развития Атлантических настроений, которые достигли критической массы в период Второй мировой войны, когда возникло Атлантическое общественное движение, появившееся под влиянием вышеупомянутой книги «Объединение сейчас» Клэрэнс Стрейт.

Помимо научного меньшинства, также существовало меньшинство, представленное американцами на уровне государственной политики, которые имели совершенно четкую концепцию развития обоих уровней, как Атлантического так и глобального. Этих американцев можно назвать «Атлантистами». Их цепочка тянется от Теодора Рузвельта в 1890-х г.г. к многим их тех, кто принимал участие в создании Плана Маршалла и НАТО в 1947-49г.г. и Организации экономического сотрудничества и развития в 1952-1962г.г.: не только Хикерсон и Эчилс, но также Уильям Клэйтон, который как заместитель гос. секретаря по экономическим делам сыграл решающую роль в Плане Маршалла. Каждый из трех вышеупомянутых людей оказывали активную поддержку Атлантическим неправительственным организациям после своей отставки из правительства. В менее идеологизированной манере сам Маршалл придерживался атлантистских убеждений, также как Ачесон, Эйзенхауэр и Трумэн. Благодаря этому более позднему поколению поборников Атлантизма идея воплотилась в создании институтов, вследствие чего большая часть американской бюрократии была вовлечена в атлантистскую работу. С тех пор эта идея постепенно исчезла из общественного поля зрения, но на государственном уровне продолжают заниматься ее воплощением в жизнь, сохраняя определенный статус-кво.

Проатлантически ориентированные лица, хоть и будучи важной и иногда решающей силой, обычно представляли собой меньшинство. Конец 1940-х гг. был в этом отношении исключением: глобализация оказалась непопулярной, и американцы более не были склонны к изоляционизму. В основном, руководящие деятели правительства и занятые внешней политикой, просто отдавали предпочтение глобализации, в то же время принимая де-факто атлантизм как практическую необходимость на данный момент. Они не смогли правильно различить между проатлантическим и глобалистским уровнем их собственных воззрений или составить представление об их взаи-

модействии, что включает в себя и элементы взаимодополнения и различия, и необходимость устойчивого развития на обоих уровнях.

Частично это было следствием того, что взаимоотношения проатлантистов и атлантических глобалистов являлись запутанной темой, о которой удалось получить четкое представление только после второго или третьего раза: формулировки Стрейта были построены на еще более неопределенных формулировках Ассоциации Лиги Свободных Наций в последний год первой мировой войны. Стрейт написал свой труд в начале второй мировой войны, а не в последние моменты завершения первой, а формулировки были воплощены в жизнь только в течение третьего мирового конфликта – затяжной холодной войны, когда было больше времени для строительства определенных институтов и для обдуманных действий. В то же время отчасти это было результатом сентиментальных причин: лидеры которые руководили, Америкой в первую и вторую мировые войны, были истинными интернационалистами, делом их жизни была борьба против изоляционизма, и они хотели выразить свой интернационализм в структурах всеобщего мира, которые они пытались установить после войн.

Президенты Вильсон и Франклин Рузвельт, как и многие не такие выдающиеся фигуры, склонялись к глобальному а не к атлантическому подходу решения мировых проблем. Когда они заключали организационные соглашения на атлантическом уровне, это выглядело почти как уступка или военная необходимость в ходе мировых войн, когда на первом месте были практические потребности. Они невольно наталкивались на реалии Атлантического сообщества: – реалии мощи Атлантических стран, реалии схожих социальных систем и лёгкость коммуникаций, реалии общих ценностей перед лицом врага, и реалии относительной ненадежности других партнеров. Лидерам Америки в лучшем случае не хватало ясности по поводу этих двух уровней, и они предпочитали делать акцент на доводах в пользу глобального подхода. Эта нехватка точности и этот риторический акцент на глобальном подходе срослись с практикой международных организаций, строительство которых они поощряли.

Следствием этого было создание самоуверенной системы отношений во главе которой стояла ООН на глобальном уровне с целой серией деклараций на высшем уровне о ее важности для будущего человечества, а также создание целого ряда на первый взгляд несвязанных организаций на атлантическом уровне, чье создание не сопровождалось риторикой о их значимости.

Существует «Система Объединенных Наций» с организационной структурой, объединяющей бесчисленные глобальные и полуглобальные институты. Нет сознательно организованной атлантической системы институтов, несмотря на то, что подобный набор институтов появился опытным путем, охватывая не только НАТО и ОЭСР, но также и Международное Энергетическое Агентство, несколько поставщиков для контроля за экспортом ОМУ и другими опасными технологиями, и Большую Восьмерку. Институты экономической глобализации – МВФ, Всемирный Банк и ВТО – иногда называются системой самой по себе, «Бреттон-Вудской системой», но они официально являются частью Системы Объединенных Наций и официально не имеют связи с «Атлантической Системой», т.к. формально не существует такой системы. Тем не менее, в действительности они ближе к Атлантиче-

ской системе, чем системе ООН, и это одна из причин, по которой они намного более эффективны и практичны в осуществлении своей деятельности, по сравнению с большинством институтов системы ООН.

Очевидно, что трансатлантические институты составляют некую группировку, стоит только на это обратить внимание; тем не менее, на это редко обращают внимание. В системе ООН существует структура и осознание себя как целого; в атлантической системе этого нет. Путаница укореняется в теории международных отношений, где понятие «международные организации» имеет два дальнейших деления – «международные» и «региональные организации». В этой упрощенной системе понятий нет места для Атлантической системы, и каждая Атлантическая организация, если она не игнорируется в целом – как это в действительности часто случается – должна быть вмещена в региональную или международную структуру как прокрустово ложе. Среди Атлантических институтов только НАТО уделяется много внимания; но НАТО обычно толкуется не как «международный институт», а как «военный союз», не как предмет теории международных отношений, но как предмет теории безопасности, и – что наиболее важно – не как часть Атлантической системы или подсистемы международной системы ООН, а как подсистема холодной войны и противовес Варшавскому Договору. ООН сама долго рассматривала НАТО и Варшавский Договор как противоположные союзы, эквивалентные по функциям, и таким образом как равным образом непродуктивные с глобальной точки зрения. ООН изменила эту точку зрения только после 1991 г., когда начала рассматривать НАТО как региональную организацию, которой можно поручить задачи сохранения мира, и таким образом как одну из многих организаций, необходимых, чтобы заполнить мировое пространство международных институтов. Это также не совсем точно, поскольку атлантический уровень международной организации не является региональным (как ЕС, ОАГ, ОАЕ, СНГ, НАФТА), а межрегиональным или надрегиональным; но все же это лучше изначального заблуждения периода холодной войны.

Завершение холодной войны освободило Атлантические институты от видимости сходства с зеркальными коммунистическими институтами, это действительно опровергло предположение об их функциональной эквивалентности; хотя институты еще медленно и не полностью взялись за возможность создания лучшей концепции. Западные теоретики международных отношений приспосабливались еще медленнее, чем практики. Тогда как бывшие коммунистические страны в большинстве своем стали психологически открыты для нового понимания Атлантического мира, к которому они старались присоединиться, и обеспечивали открытый рынок со стороны «спроса», Атлантический мир со стороны «поставщика» обеспечивал лишь полупродуманную версию своей системы. Иногда он предоставлял такие учения и литературу, которые укореняли концепцию НАТО времен холодной войны, а иногда – такие, которые упрочивали путаницу экономической Атлантической системы с глобализацией, таким образом разжигая страхи которые Атлантическая система могла бы предполагаться развеять.

Запутанность между глобализацией и Атлантической системой в западном мышлении и практике предоставляет ощущение законности и объек-

тивности запутанности, существующей в других странах. Если даже западные деятели имели сложности в понимании глубоких, все более переплетающихся различий между Атлантизацией и глобализацией, то неудивительно, что другие разбираются в этом не лучше. Тем не менее, им необходимо понимать это лучше: как остроумно сказал один проатлантический русский: «на Западе им нет нужды знать, что такое атлантизм, они могут просто идти с этим вперед», но эта ситуация не подходит к Востоку. К счастью, более ясное понимание находится в пределах досягаемости. Были некоторые западные деятели с твердым пониманием реалий этих двух уровней.

Кларенс Стрейт был разочаровавшимся приверженцем концепции универсализма Вудро Вильсона во время первой мировой войны; позже он стал корреспондентом «New York Times» в Лиге Наций в 1930-х гг.; и своими глазами наблюдая крушение Лиги Наций, он развил проатлантическое мышление в систематизированную доктрину, связывая международный уровень институтов с атлантическим, что он считал необходимым для обеспечения мощи и постоянства международных структур. Таким образом, его манифест «Объединяйтесь сейчас: предложение федерального объединения демократий Северной Атлантики» уловил дух поколения, прошедшего через тот же опыт, и стал библией для общественного проатлантического движения в начале второй мировой войны и вдохновением для тех, кто – как было замечено выше – после войны продолжил путь и сформулировал план Маршалла и основал НАТО. Теодор Рузвельт, центральная фигура в восстановлении англо-американских дружеских отношений, придал силу этим же идеям на более ранней, более гибкой стадии развития.

Вечные темы атлантической-глобалистских отношений.

1. Два концентрических уровня международной организации: атлантический и глобальный.

Атлантические организации впервые стали создаваться в годы первой мировой войны в военных целях, в то время как планы Лиги Укрепления Мира (США) и Союза Лиги Наций предусматривали создание международной организации, в которую должны были войти все независимые страны мира (прежде всего Европы и Американских континентов). Одним из участников этого движения являлась Лига Ассоциации Свободных Наций, которая отстаивала точку зрения, что мировая организация изначально создается вместе с объединением, во главе которого стоят демократические союзники. На мирной конференции в Версале французы согласились принять условия, изложенные в статье об учреждении Лиги Наций в том случае, если Англия и США возьмут на себя определенные обязательства и предоставят Франции гарантии безопасности. Нератифицированная Конгрессом Лига могла существовать и без США, но Организация-гарант – нет.

Лига Наций функционировала без какой-либо связи с Атлантическим стратегическим центром. В межвоенный период, когда атлантические организации были распущены, универсалистская Лига Наций оказалась в состоянии усугубляющегося кризиса. Кларенс Стрейт, корреспондент газеты «New York Times», отмечал, что Лига функционировала хорошо, лишь когда было согласие между тремя союзниками - Англией, США и Францией. Когда же

мнения этих государств расходились, Лига Наций переживала упадок. Он также возродил концепцию организации на двух уровнях – Атлантическом и глобальном и сформулировал это в виде доктрины. В соответствии с ней необходимо наличие атлантического ядра, открытость ядра и существование определенных норм и стандартов для вступления в него, постепенное расширение центра в направлении всеобщей доступности, сотрудничество институтов ядра с другими институтами, признание его особой роли в процессе принятия решений другими институтами и их реализация, и наконец расширения ядра до включения в него всего мира. Всё это объясняет диалектические отношения между двумя уровнями.

Таким образом, к началу второй мировой войны те кто размышлял о Атлантическом союзе пришли к выводу о необходимости сохранить глобальную организацию на отдельном, независимом уровне. По окончании войны Хартия ООН предоставила больше свободы региональным организациям по сравнению с положениями статьи о создании Лиги Наций. После 1946 г. влиятельные региональные и межрегиональные организации действительно начали функционировать на Европейском и Атлантическом уровнях.

Теории Стрейта о двухуровневых организациях во многом были отражены в документе NSC-79 1951 г. разработанном Комитетом Планирования Политики при Государственном Департаменте с целью составить представление о «мирных целях» США в холодной войне, то есть о желаемой линии развития мирового порядка в случае победы в холодной войне. Этот документ предусматривал создание конфедерации или федерации некоторых или же всех атлантических государств как ядро сообщества, способного выступать в качестве проводника норм, устанавливаемых ООН. В то же время подразумевалось и наличие третьего уровня - ядра или основы всего, в качестве которого выступали США. Аргументом /обоснованием служил тезис о большем единстве США по сравнению с любой другой конфедерацией. Указывалось на способность Соединенных Штатов объединить различные альянсы и коалиции, не ставя под угрозу и не умаляя значения основного Атлантического союза. Акцент, который сделал Дональд Рамсфилд на значимости коалиций нельзя назвать чем-то абсолютно новым и неожиданным.

Наконец, в начале 1980-х гг. созданная бывшим служащим информационного агентства США Джеймсом Хатли неправительственная организация, Комитет, сейчас Совет Сообщества Демократий, выявила четвертый уровень – объединение всех демократических стран, вклинившееся между атлантическим объединением и ООН. Это осуществилось посредством международных конференций при участии демократических стран, которые провозгласили создание сообщества демократических стран по инициативе госсекретаря Мадлен Олбрайт в конце 90-х гг. Однако до сих пор оно мало жизнеспособно ввиду отсутствия организационных структур.

Несмотря на всю идеологическую привлекательность налаживания прямых связей между демократизмом и глобализмом, предоставление организации реальной силы не предусматривается. Были определены и зафиксированы лишь некоторые функции, кроме тех которые связаны с формированием фракции демократических государств в ООН.

Диалектическая, двухуровневая концептуализация остается наиболее важной для понимания как современной ситуации, так и перспективы дальнейшего развития. Основным возражением против неё, возражением которое мотивирует «сообщество всех демократий» является неудовлетворительная процедура принятия решений из-за слабого привлечения к нему развивающихся стран. Они слабо представлены в структурах международного управления. Можно сделать вывод, что в настоящее время еще не найден способ удовлетворительного решения этой проблемы, возникшей из-за неравного уровня развития государств, как по уровню народонаселения так и по уровню благосостояния. Кроме того, сложная диалектическая формулировка - постепенное расширение, прагматическое использование более масштабных уровней вовлечённости, таких как коалиций, ассоциаций демократических государств; выработка международных норм на уровне ООН, а также их соблюдение с помощью атлантического уровня – вот всё то, что может быть сделано на данном этапе.

2. Установление превосходства силы над законом.

Это формулировка времен Теодора Рузвельта, когда Атлантизм значил практически то же самое, что и англо-американский союз. Превосходство силы атлантической группировки становилось все более и более убедительным по мере того как она росла за прошедшие десятилетия, до тех пор пока в 1991 г. она не превратилась в гегемона окончательно. Нужно заметить, что сама формулировка тем временем отошла на задний план. Теоретики-реалисты 1930-х гг., рассматривали эту формулировку как воплотившуюся в статье об учреждении Лиги Наций. И соответственно эта идея была дискредитирована провалом самой Лиги. Ревизионистские (фашистские) державы также пытались её дискредитировать, называя попыткой примирить закон с интересами Западных держав, а также увековечить несправедливые положения Версальского договора, препятствуя неизбежным переменам. Тем не менее, эта идея была зафиксирована в доктрине Стрейта о ядре (или центре) и двух концентрических кругах: внутреннем атлантическом, обеспечивающем превосходство силы и согласованность намерений, предоставляя внешнему (глобальному) кругу возможность действовать. В настоящее время, когда поддерживающие статус-кво атлантические державы имеют явную гегемонию, стала возможным несколько большая степень предсказуемости в защите законов. Это еще далеко от идеала, предложенного в статье об учреждении Лиги Наций. Ее положения – носили абсолютный характер и в любом случае Совет безопасности ООН, привив мультиполярную культуру и его привычки права вето иногда вызывает obstructionism – однако этого вполне достаточно для повышения значимости отношений между НАТО и ООН, которые начали складываться только начиная с 1991 г.

3. *Идея ядра*, что означает создание союза, начиная с объединения нескольких стран, которые, а) должны быть демократическими и достаточно развитыми для того, чтобы стать действительным авангардом мирового развития, и б) готовыми к тесному сотрудничеству и взаимодействию, а также в) обладать значительной экономической и военной мощью, дабы гарантировать стабильность мировой экономики и международную безопасность изначально, чтобы затем держать дверь открытой для других желающих присоединиться.

Эта идея уходит корнями в 1918 г., или даже ранее. Однако как разработанная, хоть и схематически, доктрина она была сформулирована Стрейтом в 1939 г. В то время предполагалось начать с США, Великобритании, Франции и около десятка сплотившихся вокруг них демократических стран. Предполагалось, что Германия, Италия и Япония также присоединятся после того, как фашизм будет ликвидирован. На третьей стадии предполагалось присоединение стран Восточной Европы и России. Неопределенным оставалось положение колоний когда они смогли бы стать полноправными членами, — должны ли они были постепенно повышать свой статус, либо должны были сначала стать независимыми. Несколькими десятилетиями ранее это значило бы начать с США и Великобритании. В конце сороковых и в пятидесятых это и в самом деле началось в самой сердцевине Атлантики, включая Италию (формально она являлась победительницей во второй мировой войне, переметнувшись на другую сторону в самом конце), и действительно быстро произошло присоединение Германии и Японии. В 90-х действительно началось присоединение стран Европы, ранее находившихся в орбите коммунистического влияния. Сейчас основной целью является не начать что-то новое, но строить на уже существующих основах Атлантической группировки и ее институтах, расширяя и углубляя их.

В 1904 г. Генри Адамс предсказал будущее «Атлантической системы» или «картеля», полагая, что изобрел это определение. Сначала она должна была состоять из Америки и Британии, затем должна была быть вовлечена Франция, потом Германия, вступление которой как можно скорее могло бы предотвратить век конфликтов, и, в конце концов, Россия, которая, он считал, вступит в организацию примерно через 60 лет («Образование Генри Адамса»). Его видение, которое было схоже с видением Стрейта и опережало его, кажется невероятно пророческим, исключая тот факт, что Германия не вступила заблаговременно, в результате чего и случались те конфликты, которых он опасался, отложив тем самым вступление и Германии, и России на пол столетия. Конфликты выявили необходимость создания институтов «Атлантическое системы», что и отстаивал Стрейт. Создание институтов, в свою очередь, облегчило включение в «картель» новых членов: достижение, которое было бы труднее достичь и совместно поддерживать, пользуясь лишь методами создания неформальных дипломатических блоков и контр-блоков.

4. Однополярность или дисбаланс силы.

Это было следствием идеи, заключавшейся в передаче доминирующей державе прерогативы защиты закона. Это наиболее противоречивый аспект Атлантизма, поскольку он идет вразрез с концепцией баланса сил, которая являлась основой международного сообщества с XVII века. Тем не менее, такова реальность, которая никуда не денется. Этот аспект Атлантицизма был реализован наиболее полно. Первопричиной этого является ведущая роль Атлантического мира во всемирном развитии, которая своими корнями также уходит в XVII в. Эта роль, в отличие от военного баланса сил, не сошла на нет за прошедшие века, но со временем стала более сильной и целостной. Однополярность стала по-настоящему реальной после 1991 г. Серьезная полемика развернулась лишь насчет того, является ли центром однополярности

Атлантическая группировка¹³ или только США¹⁴. Следует отметить, что в работах атлантистов однополярность не означает конец политического баланса, наоборот, подразумевалось, что она опирается на баланс политических факторов внутри единой политической системы вместо бывшего баланса сил отдельных военных держав, действующих угрoзами.

5. *Различие между «интеграцией» и «кооперацией»*, иногда конкретизирующейся как «наднациональная интеграция, межправительственное сотрудничество» или «истинный союз, настоящая кооперация». Термин «региональный» часто используется, чтобы соотнести термины «интеграция», «глобальный» с «кооперацией». Также и различие «позитивной интеграции» (возможности для общего наднационального принятия решений и их реализации) и «негативной интеграции» (смещение барьеров в сторону транснациональных связей), тогда как «межправительственная кооперация» абсолютно не относится к «негативной интеграции».

Эти различия были выявлены в пятидесятых и шестидесятых годах, когда в западной науке был всплеск обсуждения интеграционной теории, частично это являлось стремлением понять такие появляющиеся реалии, как интеграционные институты, как например, ЕС, частично же стремлением помочь им лучше развиваться.

В рамках этих категорий «глобализация» состоит из межправительственной кооперации – не наднациональной интеграции, но кооперации, связанной с естественными динамическими процессами и реалиями взаимозависимости, которые способствовали более высокому уровню негативной интеграции. Тенденция в сторону негативной интеграции и глобализации прослеживается в изменении политического стиля на Западе в антигосударственном направлении после шестидесятых годов. Это соотносится с упадком популярности интеграционной теории в пользу интернациональной «теории режима».

С 1989 г. посткоммунистические страны имели различный опыт вариантов интеграции с Западом. В маленьких государствах Восточной Европы существует некая медленная позитивная интеграция в форме запоздалой ассимиляции в западные институты интеграции вместе со многими факторами негативной интеграции. В бывшем советском пространстве главным образом существует только негативная интеграция и глобализация. Негативная интеграция принимает форму адаптации к западным стандартам, предусмотренных Советом Европы и связанных с институтами НАТО, такими как «Совет Северо-Атлантического Сотрудничества» и «Партнерство ради мира» (были созданы, чтобы обеспечить некое обучение), а также к стандартам Бреттон-Вудских организаций и ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития). Хотя в последних случаях членство приобретается поэтапно, обеспечивая слабый проблеск позитивной интеграции, который для России обеспечивает Большая Восьмерка.

В дисбалансе в негативную сторону можно заметить парадокс: после 1989 г. бывшие страны восточного блока надеялись на глубокую интеграцию

¹³ как утверждает Айра Страусс в статье «Однополярность» (Полис: Политические Исследования, 1997. № 2).

¹⁴ как считает профессор Уолворф в двух своих статьях на тему «Стабильность Однополярного Мира» в 1999-2000, первая в «International Security», вторая в «Foreign Affairs».

с Западом, но на Западе была тенденция в сторону глобализации или в лучшем случае к негативной интеграции. Две эти тенденции могли пересечься на почве антигосударственности, потому что Восток отказался от прежней тоталитарной государственности, но в остальном они различны. Восточно-европейские страны находятся в поиске новой идентичности или неопатриотического символа своей индивидуальности, что требует видимой позитивной роли политической власти, в то время как Запад, кажется, постепенно отходит от национальной идентичности. Многие теоретические рассуждения вращаются вокруг снижения роли государства за счет появления неслетного количества неправительственных акторов. Возможно и то, что западная мысль сдвинется обратно в сторону интеграции, так как внутренние политические изменения цикличны. Также возможно и некоторое воздействие с стороны бывших стран восточно-европейского блока, так как они вошли в западные организации и рассматривают Атлантическую организацию с большим энтузиазмом, чем большинство западных стран.

6. Необходимость частичной замены уровня Атлантизма глобальным на длительный промежуточный период возникает вследствие большей вероятности осуществления позитивной интеграции на уровне Атлантизма. Негативная интеграция на глобальном уровне – а это то, что называется экономической глобализацией – подразумевает необходимость позитивной интеграции на глобальном уровне. Однако, неравенство государств на глобальном уровне препятствует соответствующей степени позитивной интеграции. Вследствие чего она переносится на уровень Атлантизма (где предпосылки для позитивной интеграции существуют), дабы та вмешалась в качестве субсидирующей и дополнительной силы¹⁵. Глобализация, таким образом, создает необходимость увеличения позитивной интеграции на атлантическом уровне. Это – тот самый диалектический фактор, который послужил мотивацией для книги Стрейта: работая в Лиге Наций и стараясь восполнить пробелы, он обнаружил, что решения, как правило, находятся на атлантическом уровне. Именно поэтому потребность в глобальном управлении он истолковал как потребность в создании атлантической организации. С ускорением глобализации эта потребность становилась только сильнее, хотя практическое ее осуществление оставалось достаточно сложным.

Исторический процесс и стратегия как недостающее звено между атлантическим и глобальными уровнями интеграции.

Существует изменчивый баланс между избирательностью атлантизма (его привязанностью к определенной группе, сконцентрированной вокруг Северной Атлантики) и его универсальным характером (его способностью под-

---

¹⁵ Эта обоюдная поддержка «субсидизации» на уровнях власти отражает первоначальное значение «принципа вспомогательности», который был заимствован ЕС из Католической социальной теории. Иногда его расширяют, как в работах Александра Марка (Липинский) до комбинации централизации и децентрализации: взаимодополняющие уровни власти на всех уровнях общества, от семейного до мирового, каждый из которых федерально входит в другой, каждый составляет избирательный округ со своими особыми проблемами и общими для всех, каждый должен работать именно с наиболее уместными проблемами, каждый иногда приходит на помощь другому, если тот не справляется – определенным образом субсидируя этот уровень – но избегая полномасштабной замены. Зачастую в ЕС это неправильно употребляется, просто говоря о децентрализации процесса принятия политических решений.

держивать мировой порядок, а также открытостью для других стран, желающих присоединиться к сформировавшейся атлантической группе). Этот баланс постоянно изменяется. Однако различные исторические периоды атлантизма связаны воедино общим стремлением к возрастанию силы и универсализма группы.

Эти два элемента – избирательность и универсализм – связаны не столько ежедневным балансированием между ними, сколько историческими процессами и стратегиями перехода от одного состояния к другому. У идеологии атлантизма два аспекта: выработка стратегии перехода от атлантизма к универсализму; и демонстрация объективных преимуществ лидерства атлантизма в процессе модернизации, что позволяет – несмотря на все противоречивые повороты событий – надеяться на конвергенцию исторических процессов в универсализм, ведомый атлантизмом.

Атлантизм никогда не полагался пассивно на процессы исторического развития, не взывал к абстрактной «диалектике истории» с тем, чтобы объединить противоположности избирательности и универсализма. Скорее можно говорить о поиске конкретных стратегий перехода от избирательности к универсализму. Конечно, в атлантизме, как и в любом другом широком подходе к мировой политике, существуют крайности как в пассивности, так и в активности. Крайне пассивный подход в атлантизме занимается в основном прогнозами и полагается только на силы истории, которые, в ходе диалектического развития, приведут к желаемому результату. Крайне активные атлантисты опасаются глобальной катастрофы, к которой может привести пассивное ожидание, полагаются на действия и считают, что борются против основных политических сил.¹¹ Однако основное течение атлантизма уравнивает анализ сил, составляющих атлантическое движение с разработкой стратегий облегчения перехода, а также с призывами к действиям.¹²

---

¹¹ Пассивная, занимающаяся прогнозами ветвь атлантизма могла бы быть названа эмпирической, если бы не тот факт, что истинный эмпиризм признает наличие неопределенности в истории и, в наше время, вынужден признать серьезную угрозу разрушения. Ее скорее можно назвать линейной, чем эмпирической. Хотя она обращается к диалектике истории в поиске путей преодоления силами взаимозависимости современных политических тенденций, не отвечающих целям атлантизма, но эта диалектика направлена на выработку прогнозов, а не конкретных шагов. Возможно, точнее было бы назвать эту ветвь примиряющей, эволюционистской, призывающей к постепенности. К этой ветви можно отнести прогноз Генри Адамса, сделанный в начале XX века и касающийся будущего «атлантической системы» – хотя и с оговоркой, что отводил себе активную роль в создании этой системы и, возможно, предполагал активную творческую роль других дипломатов. Джеймс Хантли частично возродил акцент на пассивно-прогностической стороне в своей книге «Объединяя демократии» (1980), однако добавил предупреждения против действий по объединению «атлантического сообщества» в «сообщество» развитых демократий, больше акцента на активной стороне он сделал в книге «Pax Democratica» (1996). Можно сказать, что взгляды *laissez-faire* соответствуют данным пассивным взглядам, соответствуют им также и подходы, которые в 1990-х описывались как «модель ОЭСР» и «Вашингтонский консенсус». Этим подходам наиболее близки негативная интеграция и пост-1980 формы глобализации. Возможно, наиболее крупным теоретиком данного подхода был Карл Дойч, один из основателей квантитативной эмпирической политической науки и один из авторов «политическое сообщество Северо-Атлантического региона» (Princeton University Press, 1957); .

¹² Точнее, основное течение атлантизма находит исторические силы, благоприятствующие атлантическим целям в долгосрочной перспективе, отмечает опасность кризиса и высокую

Основной линией Атлантической стратегии всегда было стремление к созданию универсальности, начиная с отдельной базы операций. Базой были Североатлантические страны, которые были пионерами в развитии современного общества во времена Ренессанса и Просвещения. Объективную силу этой базы было легко продемонстрировать: в военных и экономических условиях эти страны, вместе взятые имели явный запас гегемонии задолго до начала двадцатого столетия и в условиях социо-экономико-политических структур, идеологий и технологий они сохраняли лидерство в мире на протяжении нескольких веков. На этой основе, возможно, было предвидеть процессы и стратегии движения от противоречивого мира мультиполярного соперничества, которое на поверхности казались безнадежно закрепленными на начало 1990-х, к последовательному мировому порядку, организованному согласно направлениям, совместимым с атлантическими нормами.

Основная стратегия в ее основных схематических элементах была следующей:

1. Тесно объединить страны атлантического ядра стратегически и экономически.

2. Держать открытой дверь для присоединения других стран к группировке, если они принимают некоторые основные стандарты. Основные стандарты:

- А. Современная (т.е. Либеральная) демократия

- Б Современная индустриализированная рыночная экономика.

В то время как атлантическая группировка будет расширяться до глобального масштаба согласно этой стратегии, это не будет происходить быстро, из-за глубинных политических и экономических различий в мире. К слову, стандарт (2) (в) не был четко объяснён, давая рост надеждам на скорое расширение группировки до мирового уровня с распространением демократии, но экономическая модернизация была важна на практике для чувства полной общности фундаментальных интересов (только на этой основе может существовать полное объединение трудовых ресурсов и электората без вреда для фундаментальных национальных интересов), и атлантические институты на практике выбирали своих членов осторожно, путями, отвечающими обоим критериям.

В связи с тем, что переходный период на пути к полной интеграции в мировом масштабе будет продолжительным, необходимо нечто большее, чем план для финального синтеза, должен быть сформулирован способ для прохождения переходного периода. К счастью, внутреннее ядро будет достаточно сильным на протяжении этого периода, если оно будет едино в формировании и осуществлении общей политики по всем международным вопросам, – чтобы служить твердой опорой для поддержания мирового порядка. В частности, оно будет обладать военной и экономической мощью, чтобы положить конец циклу мировых войн, валютных и торговых войн (как это факти-

---

цену задержек. Отмечается также, что кризис может либо уничтожить историческую тенденцию в пользу атлантизма, либо ускорить историческое развитие, если люди правильно поймут, что цена стала столь высокой, поскольку переход к атлантизму не был достаточно быстро и последовательно организован. Эти ученые видят атлантический проект как помощь странам в определении своего пути, облегчении этого пути и снижении издержек.

чески было достигнуто после учреждения атлантической системы в конце 1940-х, несмотря на незавершенность этого процесса).

Оно также должно будет служить связующим звеном для поддержки глобальных организаций, находящихся или находившихся во внешнем кольце вокруг ядра и сосредоточенных вокруг Лиги Наций или ООН, которые должны выполнять дополнительную работу (что фактически и подтвердилось, несмотря на некоторые трения между нейтральной культурой ООН и союзнической культурой НАТО). В то же время, внутреннее ядро не могло сделать все: усиление взаимозависимостей на глобальном уровне означало наличие проблем глобального масштаба, находившихся вне того охвата, который мог бы быть решен даже самой могущественной атлантической группировкой. Таким образом, необходимо будет создать нечто большее как из глобальных организаций так и из атлантических: строить международные организации на двух уровнях, атлантическом и глобальном, продвигая их параллельно, чтобы охватить как можно больше пространства взаимозависимости, насколько это возможно без того, чтобы избежать завистничества и поверхностных противоречий, которые могут возникнуть между ними, но сохраняя осознание их взаимной дополняемости и общей необходимости.

Как можно увидеть, эта стратегия предполагает существование серии сложных и изменяющихся взаимоотношений между глобальным и атлантическим уровнями, некоторые из них взаимозависимы, и представляют собой не просто баланс элементов, который может быть взвешен и измерен, а затем сложен воедино для получения окончательного итога для глобализации. Эта стратегия, возможно, заслуживает термина «диалектическая», противоположного терминам «эмпирическая» и «линейная», если эта терминология может быть отделена от мистических оттенков, которые она приобрела за годы марксистской ортодоксии, таких как вера в неизбежность или приветствие глубоких противоречий, ускоряющих процесс.

Существовала эмпирическая основа для диалектической атлантической стратегии: а именно, экономическая и стратегическая мощь атлантического союза. В экономической сфере она измеряется более чем 50 % глобального ВВП за все время с 1990 г. (и более 60 %, когда присоединилась Япония). В военном отношении коэффициент превосходства атлантических стран менее легко измерим, но он стал даже большим. Благодаря тому, что эмпирическая основа такая твердая, атлантическая стратегия смогла пережить длинную серию противоречий, некоторые из которых – такие как нацистский и коммунистический вызовы – угрожали стать катастрофой. С самых ранних этапов формулирования атлантической стратегии утверждалось, что совместная мощь атлантической группировки – если бы она была объединена последовательно – могла бы обеспечить подавляющую гегемонию в мире, способную защищать себя в военном отношении от любого противника и охранять мировую экономику от любого торгового или валютного потрясения.

Теоретиками-стратегами атлантического союза проектировалось, что ядро, однажды созданное, будет рассматриваться как привлекательный для присоединения к нему союз благодаря и его нормативной привлекательности, и его эмпирическим силам. Кто не захочет присоединяться к ядру глобальной

мощи и процветания, в то же время являющимся ядром глобальной свободы и демократии? Какое общество – не какой режим или его защитники, а какое большинство нормальных людей – предпочтёт оставаться на задворках истории отгороженными от свободы и прогресса, которые окружают их? Таковы были вопросы заданные еще в 1939 г. Они задавались с надеждой, что в то время как некоторые антидемократические элиты будут сохраняться, сопротивляться и использовать неограниченные резервы парадокса с тем, чтобы выдвигать теоретические аргументы против демократического универсализма, в конце концов, люди ответят на них положительно. Атлантический союз, как ядро мировой системы, таким образом, приведёт в движении процесс глобальной конвергенции вокруг него.

И ответы на практике по большей части оправдали эти ожидания, несмотря на определенное число аргументов ставящих под сомнение атлантический универсализм. Фашистские теоретики, отрицали любую широкую универсальность ценностей или широкую совместимость интересов человека или нации из-за противоречивости или «несоизмеримости» религий, идеологий, лояльностей и геополитических потребностей. Их доводы продолжают находить резонанс у таких писателей, как Александр Дугин, и мультикультуралистских теоретиков и религиозных фундаменталистов. Но основное препятствие на пути быстрого продвижения к универсальности происходило не из этих постулатов и не от антидемократических элит – ибо все они один за другим уступили обществу, которое верило в соизмеримость и совместимость с Западными ценностями. Основное препятствие появились внутри атлантического сообщества, где существует нежелание слишком быстро двигаться к универсализму.

Это нежелание было вызвано как нормативными причинами – стремлением сохранить преобладание в группировке обществ с устойчивыми демократическими системами – и экономическими причинами – особенно страхом перед дешевой рабочей силой стран третьего мира. Именно эти опасения, одновременно эгоистичных и благоразумных, неизбежно замедляют прогресс в сторону универсализма. В данный момент они потенциально могут распространиться на всю область ОБСЕ, однако за пределы этой области еще очень долго не выйдут. И именно этот медленный темп, с рывками вперед, за которыми следует долгий период консолидации, или даже окапывания в глухой обороне, делает необходимым использование полного диапазона переходных мер для укрепления миропорядка на экстра-атлантических, вспомогательных уровнях: использование ООН и Бреттон-Вудской системы для решения глобальных проблем, укрепление этих уровней наряду с атлантическим и координация между атлантической системой и глобальной. Подобная координация всегда присутствовала в определенной степени, но стала очевидной только после 1991 г., когда ООН стала благосклонно относиться к НАТО и выдавать НАТО миротворческие мандаты.

Слишком ли велики разногласия, чтобы быть оптимистом?

История Атлантического объединения продемонстрировала как широко постулированную всемирную привлекательность, так и многочисленные временные противоречия, задержки и недостатки. В начальной стадии, это объединение охватывало лишь небольшое количество Атлантических стран,

основанное на американско-английских и франко-английских отношениях в период с 1897 – по 1907. Объединение обрело более прочную форму военного союза в годы мировых войн, во второй из которых оно сформировало общее командование верховного главнокомандующего союзных войск в Европе, также объединила управление нескольких комитетов по координации поставок и экономических ведомств. Эти мощные и от части неформальные договоренности были оформлены в институционализированной форме мирного времени, подразумевающей экономическое, так же как и политическое сотрудничество в послевоенный период. В то же время объединение простиралось за пределы трех основных стран-участниц, чтобы покрыть шаг за шагом оставшуюся Европу – Бенилюкс и Норвегию к 1948, Италию в 1949, Германию в 1954, Испанию в 1981, пост коммунистические страны восточной Европы в несколько стадий, начиная с 1989 г., и этот процесс продолжается и поныне. Альянс стал покрывать другие части мира, такие как Япония, которая достаточно адаптировалась к современному типу Западного общества. Группировка перенесла две резких геополитических трансформации: от Германии-противника до Германии-союзника и Советского коммунизма – противника; от Советской России как противника до России- частичного союзника и исламского экстремизма как врага – не потеряв ни единого члена. Основные участники группировки проявили себя алгебраически инвариантными в ходе всех трансформаций. Даже присоединившиеся позже члены становились инвариантными с течением времени. Рост был накопительным, представляя из себя прямолинейное развитие, которое могло сосуществовать - и быть управляемым – диалектическим превращением врага в друга.

История альянса также показала несколько противоречивых элементов, не только внешних для группировки, но и внутренних для самого этого процесса. Географически они выражаются так:

- Сомнения 1949 г. насчет правомерности включения Италии – страны без североевропейских приоритетов.
- Сомнения во Франции в 1954 г. о правомерности включения Германии, недавнего врага, против которого французы считали был направлен альянс в течении 40 лет.
- Сомнения в Японии по поводу способности их общества слишком тесно контактировать с белыми, и по поводу смысла открытого присоединения к союзу в виду российско-японских трений, заставляющие Японию ограничить себя экономическим и политическим участием в периферийных институтах союзной системы и заключить двусторонний союз с США, нежели вступить в основную группу НАТО.
- Сомнения по поводу правомерности включения малых стран Восточной Европы после 1989 г. в связи с боязнью испортить отношения с новой Россией.
- Сомнения по поводу включения России из-за боязни недостаточности ее трансформации и надежности. Также
- Сомнения в Америке до середины 60-х гг. Относительно поддержки союзников «за пределами», т. е. за пределами оборонительных рубежей НАТО, из-за традиционной американской оп-

позиции империализму и нежеланию вовлекать себя в защиту европейских империй по всему миру.

- Сомнения в Европе начиная с середины 60-х гг. по поводу поддержки Америки «за пределами», а также популярная дискуссия среди интеллектуалов бросавших обвинение в империализме Америке.

Несмотря на все сомнения и колебания, Италия была включена ко времени подписания договора, Германия - после долгих препирательств с Францией, и Восточная Европа также была включена в несколько этапов. Более того, в значительной мере была вовлечена и Россия, и несмотря на то, что процесс здесь очень противоречив и полон риска снова отдалить Россию, наиболее вероятен такой исход, что рано или поздно Россия станет полноценным членом группировки, по причине хотя бы своей элементарной безопасности от исламских экстремистов и фактора растущего Китая. И такой осторожный человек как Стоуб Тэлботт прогнозирует, что если бы присоединилась Россия, также примкнули бы Япония, Австралия и Новая Зеландия, делая НАТО действительно всемирной организацией¹³. Тем временем альянс стал значительно более задействован за пределами рубежей НАТО, сначала в 90-х гг. в связи с гуманитарными интервенциями в странах юго-восточной Европы, а с 2001 г. и в более удаленных регионах в рамках борьбы с терроризмом.

Неопределенность относительно того что делать дальше повлияла и на институциональные вопросы: сколько нужно институционального единства, на сколько возможны институциональные трансформации и улучшения, опасения за будущее Атлантических институтов в случае отсутствия трансформации, и сомнения по поводу их способности перенести трансформации.

Многоуровневое экономическое и политическое сотрудничество было рекомендовано в первом общем докладе о деятельности НАТО, известного как рапорт «Трёх мудрецов»(1956). Доклад формально был принят НАТО, но лишь небольшие фрагменты были осуществлены за прошедшие десятилетия. Генеральные секретари НАТО от Поля-Генри Спаака до лорда Робертсона поднимали вопрос о том, достаточно ли хорош метод консенсуса в принятии решений, или НАТО должно в соответствии со взглядами основателей располагать другими методами для принятия решений. Но диапазон методов был расширен в очень ограниченной степени, почти всегда оставляя принятие решений в рамках консенсуса по крайней мере внешне. Сомнения выражались и по поводу необходимости НАТО, если она лишена достаточной гибкости чтобы более быстро принимать решения по широкому спектру вопросов в эпоху быстро меняющейся, многофронтальной борьбы с терроризмом. Но сомнения также высказывались по поводу способности НАТО пережить смену методов принятия решений, которые значительно отличаются от настоящих.

На самом деле, сомнения в общественных дискуссиях зачастую затмевают сам институциональный прогресс. НАТО хоронили много раз, не только в 2003 г. в связи с разногласиями по Ираку, но и неоднократно в период с 1989 по 1992 гг., также в начале 1980-х гг., когда противоречия были го-

---

¹³ Talbott, in remarks by videoconference to a conference on "Euro-Atlantic Integration and Russia: After September 11", Moscow, Higher School of Economics, May 29, 2002.

раздо более фундаментальными, нежели сегодня; в 1970-х – в связи с трансатлантическим экономическим кризисом, в 1960-х – из-за Вьетнама, в 1950-х – из-за Суэца, который возможно был острейшим кризисом альянса.

И, тем не менее, альянс, вместе с атлантическими экономическими и политическими институтами, с честью выходил из всех кризисов без серьезных осложнений для его работы и всегда скорее развивался и увеличивал свою значимость.

Глубокие корни Атлантических отношений, с которыми связан процесс глобализации, помогают осознать, почему прогноз на выживание и адаптацию более вероятен, чем часто предрекаемый быстрый крах.

Если современный Атлантизм со своей ролью в глобализации начался в 1890-х, то составляющие его основу социальные и геополитические элементы датируются освоением европейцами Америки в ранний период нового времени. И глобализация относится к этому же периоду. Атлантизация всегда была сердцем глобализации: как писал Санторо, Атлантическая система – центральная подсистема во всем мире. Основные факты того, что Атлантический союз занимает лидирующую позицию никуда не исчезнут; по поводу альтернативы этому Стрейт говорил накануне Второй мировой войны: либо организованное лидерство, подразумевающее мировой порядок, либо противостояние лидеров, ведущее, как прекрасно видно на примере 1930-х гг., к всеобщему хаосу. Возвращение к бессистемным условиям принесет вред как Атлантическим странам, так и всем остальным.

Новый уровень осознания данной реальности появился в 2003 г. во время «Трансатлантических разногласий». Российские демократы, такие как Лилия Шевцова, выразили беспокойство, что раздор в стане демократического Запада сдвинет Россию с нелегкого пути вестернизации и внедрения в мировую систему. Другие же, к примеру Владимир Лукин, предположили, что Россия может укрепить свое международное положение, сыграв роль миротворца в отношениях между Европой и Америкой; роль, которую как оказалось было не в состоянии играть из-за внутренних разногласий. В то же время, вступившие недавно к Евро-Атлантическим организациям страны Восточной Европы, также видят свою роль в сглаживании отношений между Европой и Америкой. Африканские дипломаты выразили тревогу, что сельскохозяйственные различия между Европой и Америкой будут препятствовать крайне необходимому открытию западных рынков для африканских товаров; а Генеральный секретарь ООН выразил беспокойство, что Трансатлантические разногласия подрывают перспективы солидарности в мировой системе.

Но в то время, как остальной мир выступал за сближение и дальнейшее укрепление отношений между Атлантическими странами, их правительствам приходилось иметь дело с фактором антиглобалистского движения во внутренней политике, являющимся одновременно и антиатлантическим. Это определенно затрудняло развитие и стремление к осуществлению той политики, которая бы обеспечила интересы, как всего мира, так и стран Атлантики.

Антиглобалистская политика в Америке: две стадии противостояния.

Существует две стороны современной политики протекционизма в Америке: в отношении Европы и Японии и в отношении стран «третьего ми-

ра». Это отражается в двух конкретных составляющих экономики: колебании курса валюты и географического перемещения производства. И то и другое происходит из-за свободного перемещения капитала, однако с логической точки зрения они различны в своей основе. Тем не менее, оппозиция на обоих фронтах была объединена, ведь по сути дела антиглобалистское движение, его сердцевина так сказать это не что иное как движение вновь воскресшее против атлантического или капиталистического руководства миром.

Современный протекционизм в качестве массового движения появился в середине и в конце 1980-х гг. как явление американской политики. Мишенью данной критики были страны-союзники: как аргумент приводилось то, что Америка страдала от недобросовестной торговой конкуренции со стороны Японии и Германии, и что в следствии «имперского перенапряжения» США тратят слишком много средств на обеспечение защиты союзников. Популярными были следующие лозунги: «Америка в упадке», «падение Американской империи»¹⁹, «мы сражались не с тем врагом», и «Холодная война завершилась, а Германия и Япония одержали победу»²⁰. Примечательно, что высказывания касающиеся «холодной войны» были более распространены в середине 80-х, когда она еще продолжалась, и американцы могли опасаться геополитического упадка, чем после ее окончания. Положение дел напоминало перестановку в лагере союзников – вспомнили о союзе с Советским Союзом против Германии и Японии, или же вовсе с режимами левой направленности против экстремистских правых, даже если позднее такие страны пережили «смену режима» и превратились в демократических союзников.

Такое движение во внутренней политике Америки восстановило частичный союз между левыми и профсоюзами в рамках демократической партии. Этот союз был прочен в 1930-е гг. и в период Второй мировой войны, но ослаб во время «холодной войны», когда профсоюзы твердо стояли на осуществлении политики умеренного антикоммунистического либерализма. Этот союз был полностью разрушен во время Вьетнамской войны, когда профсоюзы резко отделились от Новой левой радикальной интеллигенции и большей части демократической партии, которая затем следовала умеренному Новому левому курсу.

Средства массовой информации с большим энтузиазмом поддерживали воссоздание союза левых и профсоюзов.²¹ Тема «заката Америки» широко

---

¹⁹ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. New York: Random House, 1987. Книга стала бестселлером; она содержит исследование пяти столетий взаимодействия экономики и политики – и все сопутствуется атмосферой научной респектабельности. Появилось много откликов о данной книге, но ее популярность уже было ничем не перекрыть, благодаря поддержке СМИ. Единственное ответное произведение, название которого подразумевало успех противоположной точки зрения – Nau, Henry R. The Myth of America's Decline. Oxford: Oxford University Press, 1990.

²⁰ Степень, при которой это мнение стало общепринятым, прослеживается в названии: «Новые супердержавы: Германия, Япония, США и Новый Мировой Порядок (Bergner, Jeffrey T. The New Superpowers: Germany, Japan, the U.S., and the New World Order. New York: St. Martin's Press, 1991) – книга, предисловие к которой составил сенатор Ричард Лугар.

²¹ Рассматривая политику внедрения ложных фактов в США, важно осознавать, что подавляющее большинство журналистов национальных СМИ регистрируются в обзорах, как демократы или левые. В 70-90% случаев они являются профессорами. Представители СМИ, согласно данной регистрации, утверждают, что, несмотря на такое несоответствие, они объективны в

распространилась в общественном дискурсе. «Глобализация» в этих дебатах атакам не подвергалась. Мишенью критики был не Третий мир а индустриальные союзники Америки. В ряде влиятельных книг Японии изображалась как страна которая подбирает эстафету лидерства из рук Америки, благодаря её более государственной экономической системе. Это в свою очередь создавало опасность распространения авторитаризма и ставило под сомнение истинно американские демократические ценности. Выход из создавшегося положения видели в том чтобы относиться к Японии и к Европе как к в некотором смысле оппонентам а не союзникам, вывести войска из Азии и Европы, а в некоторых вариантах предлагалось даже распустить НАТО и взять на вооружение пример Японии и Германии как этатистских экономик для того чтобы предотвратить триумф японского авторитаризма во всему фронту.

В 1990-е гг. боязнь Японии ослабла отчасти благодаря тому, что Япония вошла в период долгосрочного экономического спада, и вообще рухнула в 1998 г., когда большинство преуспевающих экономик Азии охватил финансовый кризис, прозванный азиатским гриппом. Коррумпированный капитализм, как утверждалось, привёл к непродуктивным инвестициям и уходу капитала, что разрушило экономику региона. В результате модель западного либерального рыночного капитализма казалась сильнее, чем когда-либо.

Во внутренней политической жизни Америки эта истерия не имела серьёзных последствий. Демократы проиграли выборы 1988 г., несмотря на то, что играли на боязни экономического упадка. Однако новая администрация президента Буша использовала дискурс об упадке Америки и о перенапряжении имперских амбиций в своих интересах. Администрация Буша адаптировала эту риторику не в смысле направленности против Японии и Германии а в смысле политики по отношению к восточной Европе и России. Она использовала эти настроения для того чтобы не допустить нового плана Маршалла и массивной финансовой поддержки новых посткоммунистических стран. Администрация играла в опасную двойную игру, которая была в стиле Realpolitik школы Киссинджера и его последователей (Сноукрофт и Иглбюргер). В этой игре России отводилось место извечного противника, которому не следовало помогать. Распространение воззрений отражавших опасения насчёт союзников, таким образом не прошли бесследно в долгой перспективе. Это выразилось в том что Америке стало легче оттолкнуть страны восточной Европы и Россию которые стремились стать новыми союзниками. Администрация Буша не суме-

---

своих суждениях и действуют вне зависимости от того, кто находится у власти – демократы или республиканцы. Очевидно, что это правдивое утверждение, однако зачастую критика президентов от демократической партии сильнее со стороны левых. В Великобритании зафиксировано следующее явление: BBC утверждает, что всерьёз критикует Тони Блэра – премьера от партии лейбористов, но на самом деле основной поток критики принадлежит левым. Поскольку наиболее представительные СМИ и академики находятся в тесном социально-политическом контакте друг с другом, не удивительно, что у них существуют общие утверждения, и, таким образом, распространяется ложная информация касательно политической ориентации. Утверждение, что «Америка в упадке» распространилось с некоторым энтузиазмом, при этом, практически не затрагивая общеизвестные факты. В то же время, однако, СМИ распространили ложную информацию с «правым уклоном», что США обеспечивали помощью зарубежные страны и занимали ведущее место в ООН.

ла сыграть роль лидера во внешней политике, не сумела стать президентством успешной внешней политики в эпоху революционных преобразований. Вместо этого администрация Буша следовала курсу осторожных манипуляций основанных на пессимистических воззрениях элит относительно намерений России, воззрениях которые оказались весьма наивными, а не прозорливыми. В результате сторонники идеи упадка Америки выиграли. Их популярность достигла апогея. Но им было трудно объяснить как Америка сумела выиграть холодную войну и завоевать беспрецедентную степень могущества, в то время как весь мир как никогда раньше стремился к либеральным ценностям.

Тем не менее, они были готовы перейти в контрнаступление каждый раз, когда Америка испытывала экономический спад – такая обстановка сложилась к концу срока Администрации Буша. Их неугасающей привлекательности было достаточно для поражения на выборах действующего президента, который на половину взял на вооружение их риторику для достижения других внешнеполитических целей *realpolitik*, таких, как укоренение антироссийской геополитики и стремление избежать обязательств по отношению к появляющимся ориентированным на Запад режимам. Но лишь немногие нашли эту позицию убедительной. Билл Клинтон, не смотря на то, что в душе он интернационалист, использовал неоизоляционистскую и неопротекционистскую риторику в своей предвыборной кампании. Лозунгом его кампании было «Экономика – прежде всего», смысл которого заключался в прекращении трат времени и денег на внешнюю политику, как это якобы делал Буш, а сосредоточится как «луч лазера» на национальной экономике вкупе с защитой особых американских интересов за границей, отдавая предпочтение торговле а не вопросам безопасности.

В первой администрации Буша, так же как и в администрации Рейгана, Джеймс Бейкер играл важную роль в погашении изоляционистской истерии. Как госсекретарь в 1989 г., он постепенно отодвинул на задний план линию Сноукрофта, что никаких существенных изменений в Советском Союзе не происходило и что советский замысел состоял в том, чтобы разделить и обмануть Запад. Бейкер постепенно добился готовности администрации Дж. Г. Буша сотрудничать с Горбачевым (а позже с Ельциным). Но эта готовность не достигла необходимого уровня, чтобы оказаться полезной. Уступки со стороны Горбачева и Шеварднадзе не приводили к ответным уступкам. Советский Союз был оставлен без помощи и развалился в условиях хаоса. Правительство Ельцина – Гайдара, когда оно предприняло освобождение цен в начале 1992 г., было оставлено без макроэкономической поддержки, которая могла бы стабилизировать цены. В результате немедленно «подпрыгнули» темпы астрономической инфляции, лишая российское общество стабильности. Козырев предпринимал попытки сближения с Западом, который оставался неприступным и холодным. Не удивительно, что в таких обстоятельствах российское общество в течение 1992 г., испытало новое отчуждение от восторженной прозападной политики до нового витка всеобщего раздражения Западом.

Частица иностранной помощи пришла с опозданием на год, главным образом, в результате критики администрации Конгрессом. Когда администрация Клинтона начала работу в 1993 г., она искала новых союзников с

большим энтузиазмом, чем её предшественник, но момент был упущен, когда можно было многое сделать в линейном, непротиворечивом виде по отношению ко всем странам Советского блока, включая Россию. И администрация Клинтона также совсем не желала вкладывать реальные деньги с целью укрепления новых союзников. Отчасти это можно объяснить обещаниями предвыборной кампании сосредоточиться на национальной экономике, вместо того, чтобы помогать якобы хищным союзникам

Оглядываясь назад, можно заметить, что цена за истерию по поводу американских союзников оказалась довольно высока. Страх перед возможностью национального упадка – вот один из самых распространенных и серьезных политических психозов, достойный даже анализа Фрейда – сложно отодвинуть в сторону, если он возник. Несмотря на полное отсутствие реального основания для подобных опасений американского упадка, и, несмотря на доказательства противоположного и на американский триумф 1989 – 1991 гг., потребовались годы, чтобы преодолеть эту боязнь. Она оставила неприятный осадок, который продолжает отравлять отношение Америки к остальным странам.

Вторая стадия нового протекционизма – это антиглобалистское движение как таковое. Оно выросло на почве этого неприятного осадка. Появившись в конце 1990-х, оно возродило риторику движения «Америка в упадке» с новыми целями: оказывать большее противостояние расширению торговли со странами «Третьего мира», чем со странами «Первого мира».

Обоснование нового протекционизма принципиально отличается от обоснования протекционизма 1980-х: в настоящее время он направлен против свободной конкуренции в отношении дешевой рабочей силы в третьем мире, а не против неадекватной торговли – реальной или умозрительной, с преуспевающими странами. Это движение ставит более серьезные вопросы, чем в 1980-х или, по крайней мере, может поставить более серьезные вопросы, если прекратятся разговоры о защите прав всех рабочих всего мира от капиталистов и будет признано, что цель этого движения – защита хорошо оплачиваемых рабочих в богатых странах от конкуренции широких масс рабочих в бедных странах. Исходя из этого возникает нравственная дилемма, которую можно схематично выразить так: хорошие люди против хороших людей, а не хорошие люди против плохих. В результате рассуждения должны ставить целью поиск необходимых компромиссов между нуждами социологической стабильности в богатых странах и нуждами социального прогресса в бедных странах. С точки зрения морали такая постановка вопроса предпочтительней, хотя она и сняла бы демагогическую привлекательность. Не удивительно, что такой курс так и не был принят.

Новый антиглобалистский протекционизм был поддержан в основном теми же самыми людьми, которые ранее исповедали протекционизм по отношению к союзникам. Они просто отбросили свои страхи по поводу японского триумфа и безболезненно стали исповедать новые страхи. Эти идеи нашли поддержку среди тех же аудиторий – профсоюзов и левых, используя тот же язык. Существует даже постоянство в ярлыках, которые движение использует для своих врагов в обоих фазах – «неолиберализм», «капитализм», «корпорации», «корпоративная Америка».

Неудивительно, что элиты, выступающие за свободную торговлю оценили это явление как явное возрождение протекционистской истерии 1980-х, и отвечали на него тем же, что и раньше. Те же люди что и раньше выступают за свободную торговлю. За некоторым исключением, обе стороны кажется не подозревают, что суть и логика этой проблематики изменились.

Глобализация и модернизация: перспективы общественной дестабилизации.

Глобализация всегда соединяла более тесно общества, которые до неё развивались мало контактируя друг с другом. Общества, достигавшие своих общих успехов, внезапно обнаружили себя в контакте с обществами с другими исторически сложившимися общими достижениями. Этот контакт всегда создавал познавательный опыт, приносящий возможности дальнейшего развития и творчества.

Этот опыт всегда был деструктивным, подрывающим идеи и уклад жизни, которые сложились в том или ином обществе. Обычно самые разрушительные последствия переживали страны «незападного» мира, которые были менее сильными и, как раньше говорили и как многие всё ещё полагают сегодня, менее развиты в отличие от своих недавно найденных «собеседников». Вместо взаимного общения и взаимопроникновения идей, опыт был сдвоен.

Вслед за Марксом, великий российский революционер Лев Троцкий исследовал его как социально-экономический феномен и анализировал его оптимистично как «закон неравномерного развития». Другие мыслители, такие как германские романтики и их русские последователи славянофилы, избрали более пессимистичный взгляд рассматривая этот феномен в духовных категориях, как искушение, разрушение и деградацию – искушение материальным и техническим превосходством других; разрушение, - из-за смешивания традиционных социальных норм испытанных тысячелетием; деградация из-за подчинения духа материальным интересам. Используя формулу Гегеля, они рассматривали свои собственные общества как ведущие к большему синтезу, если только он мог ответить на разрушение прыжком вперёд в новое уникальное единение духовной мудрости с западными материальными достижениями. И тогда они могли бы унаследовать лидерство в мире, так как Запад был обречён на дегенерацию, если он был бы предоставлен самому себе с его материалистической деградацией.

По правде говоря, это также лежало в основе «закона» Троцкого и было тонко замаскировано переводом духовного в социально-экономический язык. Результатом стал тоталитаризм.

Это была формула, за которой следовала каждая следующая анти-западная реакция против атлантической глобализации, начиная с романтических националистов в начале 1800 г и кончая религиозными фундаменталистами сегодня, с коммунистами и нацистами посередине. Реакция обычно направлялась их первоначальной аргументацией против атлантического лидерства и атлантических либеральных норм даже более решительно чем против самой глобализации. В то же время анти-западная реакция всегда находила отголоски в самих атлантических обществах в форме их собственных романтических, реакционных политических крыльев, которые полусимпати-

зировали фашистам и их радикальные левые крылья которые полусимпатизировали коммунистам. Правые и левые крылья объединились вместе против движения глобализации и иногда выражали симпатию террористам.

Военное превосходство атлантических стран сделало возможным колониальное правление в третьем мире. Оно было оправдано имперскими теоретиками, такими как Лионель Куртис, как способ управления общим процессом взаимодействия между до сих пор раздельными обществами, защищая отсталые общества от хаотического воздействия, разрушения их традиционного уклада и контролируя иногда грабительские действия торговцев и наемников сильных обществ, таких как работорговля, которую Британская империя окончательно отменила в 1800 г. Именно те неевропейские общества, которые были настолько сильны, чтобы избежать формального завоевания и правления атлантических стран, такие как – Китай, Япония и некоторые исламские страны, считавшиеся полуколониальными, но оставались формально суверенными и нуждались в отстаивании их суверенитета против вторжений извне, именно они впали в тоталитаризм. То же произошло и с европейскими обществами которые отстали и вынуждены были догонять атлантических лидеров – Германия, Россия и даже Италия, Испания, и Португалия, которые были открывателями атлантического пространства, но были опережены Северо-атлантическими странами. Пессимистичный взгляд на динамику тоталитарной реакции как результат независимого национального развития в условиях давления более развитых атлантических стран был сформулирован историком Хансом Коном¹⁴ и теоретиком модернизации Теодором фон Лау.¹⁵

Общества, формально колонизированные атлантическими либеральными державами, не могли пытаться установить национальный тоталитарный режим пока колониализм сохранялся. И очевидно, что соблазн не был большим в любом случае, так как империализм обеспечивал некоторое упорядоченное управление в процессе модернизации. Это управление закончилось внезапно для многих стран в период с 1945 по 1970 гг. Разнообразные авторитарные националистические режимы пришли на смену,

¹⁴ Ханс Кон является автором множества книг, среди которых «Идея Национализма, Панславизм, Сознание современной Германии и Американский национализм». Кох видел атлантическое объединение как путь к разрушению динамики. Он последовател идей Норманна Эйнджела и Кларенса Стрейта. Последний развивал точку зрения, что анализ международных отношений лучше чем национальный анализ, что атлантические страны оставаясь разьединенными допускали международный хаос, создавая условия которые ослабляли общества и режимы что могло бы привести к разрушению и атлантические страны могли бы националистически реагировать, объясняя это их проблемами с хаосом индивидуалистической самовлюбленности внутри общества Запада лучше, чем по средствам ресурсов во взаимодействии коллективной национальной самовлюбленности международным хаосом и их собственной отсталостью и недостатком времени для адаптации.

¹⁵ Теодор Фон Лау стал основателем исторической теории модернизации на Западе также он разработал социологическую теорию модернизации. Фон Лау разработал теорию диалектической реакции и детурс внутри модернизации, детурс который он описывает как революционное западное движение против анти-западной реакции. Его мысли и исследования есть в «Мировой революция вестернизации» (The Worldwide Revolution of Westernization, 1987), но его самая значимая работа была на год раньше «Почему Ленин, почему Сталин?» (Why Lenin, why Stalin?, 1986). Фон Лау смотрел на ЕС и ООН как на агентства, которые обеспечивали разъяснение спорных вопросов.

ритарные националистические режимы пришли на смену, но не было серьёзных попыток установления тоталитарной версии национализма. Остаётся открытым вопрос будет ли продолжаться успокоительный эффект колониального опыта или тоталитарный соблазн будет распространяться и среди этих стран в период когда они стоят перед лицом ускорения процесса глобализации, менее управляемой для них, чем в колониальные времена, теперь когда колониальная и постколониальная элиты исчезла.

Что нового в современной фазе глобализации? Она повышает опасения социальной нестабильности не только в слабых обществах, но и в самих ведущих атлантических обществах, потому что она грозит усилить конкуренцию между Западными трудовыми ресурсами и более большими трудовыми ресурсами третьего мира не только в сфере преимуществ в торговле, но и за инвестиционный капитал Запада. В предыдущие века западный капитал инвестировал исключительно в западные фирмы и западных рабочих. В условиях сокращения цен на транспорт и коммуникации потоки капитала становятся все более глобальными; инвестиционные модели вполне могут стать такими же. Если западные пороги терпимости достигнут крайней степени, то социальные беспорядки могли бы достигнуть уровня революционного взрыва. Разрушение стабильности в атлантических странах имело бы большее воздействие на мир, чем коллапс, который произошёл в таких неатлантических обществах, как России в 1917 г. и Германии в 1933 г.

Долгое время западные рабочие были защищены от конкуренции третьего мира националистическими режимами, которые использовали саморазрушительные протекционистские меры, отпугивал инвесторов национализацией зарубежных инвестиций или вводя дискриминационные правила и налоги делая жизнь невыносимой для них. Протекционизм сейчас в основном сошёл на нет под давлением и в результате уговоров правительств первого мира. Этот факт совместно с технологической революцией заставляет трудовые ресурсы первого и третьего мира соприкасаться намного более тесно чем прежде. Однако эти трудовые ресурсы развивались раздельно в течении столетий. Они стали частью раздельных корпоративных обществ. У них появилось чувство гражданства с надеждами сохранения национальной самобытности на уровне, к которому они привыкли. Соединение их в одно целое ставит вопрос будут ли накопленная стабильность и корпоративное общественное равновесие продолжаться. Развитие альтернативного гражданства и социального объединения на глобальном уровне может затянуться на долго как объясняет международная теория интеграции 1950 и 1960 гг. и, как подтверждает опыт ЕС на практике, на более легком европейском уровне.

Так как количество рабочих в третьем мире в 5 раз больше чем в первом мире, простой рабочий на западе интуитивно подозревает, что когда уровень экспорта капитала или трудовых ресурсов достигнет определённого уровня, уже нельзя будет утверждать, что все выигрывают от обмена. Другими словами, вполне вероятно, что классическое утверждение, что все выигрывают справедливо для условий ограниченного потока капитала или ограниченной иммиграции. В таких условиях рост эффективности идет быстрее, чем рост количества людей потребляющих плоды этой эффективности. Одна-

ко, если никаких ограничений на взаимный обмен нет, если потоки трудовых резервов и капитала будут расти в геометрической пропорции к развитию технологий, тогда неизбежным станет приближения кризисного пункта в обществах, потому что уравнивание с рабочими третьего мира начнёт отнимать больше от зарплат рабочих первого мира чем другие трансакции смогут добавить за счёт увеличения эффективности. Кризисная точка может быть достигнута, когда лишь небольшая часть трудовых резервов третьего мира будет занята западным капиталом вместо западных рабочих. Процесс может пойти и дальше и повлечь за собой драматическое падение компенсации труда в первом мире. Исторический опыт показывает что даже незначительное понижение компенсации труда может дать толчок этническо-националистической реакции. В условиях неограниченного расширения трудовых ресурсов, падение уровня компенсации может быть достаточно серьёзным, чтобы спровоцировать коллапс общества или экстремистскую националистическую реакцию.

Пессимистический прогноз заключается в том, что данный процесс будет развиваться за пределы появления индикаторов опасности и их проигнорируют, из-за того, что среди элит господствует доктрина, что протекционизм и национализм – это плохо. Есть опасения что поддерживать в таком курсе национальных элит будут международные организации который поддерживают глобализацию, такие как: атлантические – ОБСЕ, и Бреттон-Вудские, МВФ, МБРР, МТО, а также организации ООН. В результате этот курс приведёт к ещё более экстремистской националистической реакции в дальнейшем.

Оптимистический взгляд заключается в том, что до критической отметки всё ещё далеко. Потери от торговли и утечки капитала сравнительно малы в сравнении с выигрышем от роста эффективности. Лишь только 3 млн. рабочих мест в Америке по оценке специалистов, подвержены влиянию переноса производства за границу в ближайшие пятнадцать лет. Силы протекционизма уже достаточно влиятельны и становятся ещё более влиятельными, чем требует необходимость. Таким образом, даже если критическая отметка когда-нибудь и будет достигнута, контроль над вывозом капитала может быть восстановлен достаточно быстро, а роль международных организаций будет заключаться в том, чтобы сдерживать националистическо-протекционистский натиск. Кроме того, атлантические организации будут играть роль амортизатора, так как уровень зарплат в этих странах на сравнимом уровне и поэтому свободное движение капитала, товаров и если нужно то и рабочей силы может продолжаться беспрепятственно, без того чтобы достигнуть критической отметки.

Скорей всего реальность будет где-то между этими двумя крайними оценками оптимистов и пессимистов. Некоторые протекционистские силы на западе действительно слишком сильны, особенно те которые представляют частные интересы, которые направлены против конкурентов из стран со сравнимым уровнем зарплат (Европа, Америка и Япония). В то же самое время, проблема утечки капитала и утечки рабочих мест в Третий мир остаётся нерешённой. Вполне возможно, что антипротекционистские силы слишком сильны из-за того, что хорошо укоренились среди элит, и борьба с протекционизмом стала некой догмой, плохо приспособленной к сложившейся ситуации. В таких условиях критическая отметка может быть достигнута до

туации. В таких условиях критическая отметка может быть достигнута до того, как элиты признают опасность и сумеют разобраться в её сути, что отложит коррективные меры. На следующей стадии, когда коррективные меры будут приняты под давлением политических сил, международные организации скорей всего будут играть сдерживающую и координирующую роль насколько это будет возможно. Если экспорт капитала будет восприниматься как главным образом помощь а не торговля (Герман Дэйли, профессор Экономике в Университете штата Мэриленд утверждает именно это) международные организации могут помочь в том чтобы помощь продолжалась но в регулируемой форме. Задачей регулирования будет создать такие условия при которых утечка капитала или помощь не достигнет такого уровня, при котором развитое общество пойдёт стремительно вниз. Регулирование будет стремиться к тому, чтобы в дальней перспективе действительно все выиграли и чтобы по пути к этой цели не произошла дестабилизация общества. Организации ООН будут играть роль лобби в защиту более высоких уровней экспорта капитала, Бреттон-Вудские организации могут действовать также но более осторожно; Атлантические организации рано или поздно подпадут под влияние общественных сил заинтересованных более в своей защите и следовательно в понижении уровня экспорта капитала то есть уровня помощи. Равновесия может быть достигнуто компромиссом между этими двумя полюсами. Тем временем международные организации на региональном уровне и интернациональном уровне как ЕС и ОБСЕ будут поддерживать внутренний свободный обмен товарами и капиталом. Более того, они сумеют расширить свободный обмен внутри своих границ между сходными обществами благодаря тому, что более чётко чем ранее разграничивают подобный обмен от более сложного процесса глобализации.

Глобализация как способ разрушения

Глобализация несколько другого рода выдвинулась на передний план в последнее время: а именно глобализация разрушительных сил и возможностей. Такая глобализация продвигается вперёд посредством микробов, которые не знают никаких границ. То же можно сказать и о глобализации наркотиков, терроризма, и распространении современного оружия. Всё это последствие роста НТР в глобальном масштабе, где глобальная торговля лишь только один из факторов. Интернационализация заразных болезней явление не новое, но современный средства транспорта распространяют его дальше и быстрее. Сельскохозяйственные болезни передаются посредством торговли сельхоз продукцией и кормами. Компьютерные вирусы распространяются моментально посредством Интернета. Затем следует международная торговля наркотиками, отмывание денег, и преступные сообщества, которые давно уже перешагнули через национальные границы. Скорей всего для них легче маскироваться в условиях, когда объём легитимной торговли и перевода денежных средств через границы так велик.

Терроризм глобализируется ускоряющимися темпами также благодаря развитию транспорта и торговли. Оружие массового поражения распространяется по всем уголкам мира, также как и научное знание, способное производить новые виды оружия массового поражения. Открытость западных

научных и образовательных учреждений делает это возможным. Всё это можно суммировать как процесс «негативной интеграции, стремящейся вперёд без позитивной интеграции, то есть удаление барьеров контактам всякого рода (не только экономических) без адекватного развития международных институтов власти с тем, чтобы управлять процессами обмена и избежать негативных последствий. Негативная интеграция в данных случаях происходит благодаря НТР и взаимозависимости – то есть благодаря причинам глобализации начиная с 1492 г. а не из-за политики экономической либерализации.

В некотором отношении экономическая либерализация и глобализация усугубили проблемы неожиданным образом. Ведь сельскохозяйственная торговля на самом деле не свободна от всевозможных субсидий, но она распространяет болезни. Торговля оружием массового поражения запрещена, но некоторые компоненты открыто продаются. Организованная преступность и торговля наркотиками запрещена как внутренними так и международными законами. Необходимо больше совместного регулирования, и не потому, что имеется идеологически мотивированное недорегулирование сейчас, но по очевидной причине: потому что взаимозависимость опережает развитие общих возможностей. Эти дыры надо латать, и не допустить, чтобы средства разрушения вышли из-под контроля. В то время, пока формальные запреты на продажу опасных компонентов уже существуют, включая ядерные материалы и информацию о них, компоненты химического оружия, продукты сельского хозяйства, запрещенные установленными нормами по здоровью, обыкновенные институты режима, отвечающие за формулирование и введение в силу ограничений, пока слабы. Данный факт оставляет надежду лишь на сотрудничество отдельных правительств. У правительств занимает много времени, чтобы договориться, их соглашения очень часто запаздывают; их всегда очень трудно обновлять в соответствии с новой ситуацией, а также находятся новые методы для уклонения от исполнения этих соглашений.

Таким образом, ощущается потребность в международном управлении и контроле над более эффективными нормами здравоохранения во всем мире и санитарными нормами, а также в более активном сотрудничестве полиции в борьбе против мафии и так далее, но не просто в «более эффективном сотрудничестве», а «эффективно соотносящимся с масштабами и объемами проблемы».

Сотрудничество правительств по введению в силу своих соглашений не всегда надежно. Ненадежность одной из сторон дает повод другой стороне выйти из соглашения, так как никто не хочет терять конкурентную выгоду. Итак, вот основные причины, почему необходимо создавать совместные организации.

Совместные институты на глобальном уровне для регулирования норм взаимодействия включают: ВОЗ (Всемирная Организация Здравоохранения), борющаяся с распространением микробов; Интерпол, борющийся с преступностью, а также МАГАТЭ (Международное Агентство по Атомной Энергии), которое борется с распространением ядерного оружия. Все они слабы. В этих условиях причины для создания совместных организаций превращаются в причины для их усиления, то есть расширения их сферы влияния, усиления и расширения их возможности приводить в силу свои решения, а также приведения в

порядок процесса принятия решений, а также их слияние с дополнительными институтами и необходимы национальные усилия для поддержки их целей.

МАГАТЭ уже дополнена «Группой Ядерных Поставщиков», которая базируется в Атлантическом регионе (состоит из Атлантической группировки плюс некоторых других стран). После войны в Ираке, администрация Буша выдвинула шесть предложений для усиления МАГАТЭ и его дополнительных групп. Эти предложения получили поддержку от главы МАГАТЭ, несмотря на то, что даже если бы они были приняты, то разрешили бы лишь часть проблемы.

Значительно большее институциональное развитие и укрепление в разных сферах требуется для того, чтобы положительная интеграция все-таки догнала негативную.

Вполне может быть так, что возможности разрушения уже распространились настолько широко, что их уже тяжело будет вернуть под контроль. Ядерный джинн уже 50 лет как выпущен из бутылки: химические технологии повсеместно распространены, нанотехнологии разрабатываются во многих исследовательских лабораториях. Бертран Рассел – британский философ логическо-позитивистского направления писал, что реакционеры были в каком-то смысле правы, когда утверждали, что человеческий ум является источником всех наших бед. Но если это так, то единственный способ преодолеть беды – еще больший разум.

Пути назад, к невинности эпохи, предшествующей созданию оружия массового уничтожения, нет, за исключением пути всеобщего уничтожения. Нам ничего не остается кроме как сильнее пытаться взять опасность под контроль, используя наш интеллект для того, чтобы найти все возможные пути это сделать. Самые важные инструменты для регулирования и ограничения опасности стоит искать на трех уровнях: национальные правительства, которые сами по себе являются проблемой, мировые организации, и Атлантические организации – как связующее звено. Взаимодействие между Атлантическим и мировым уровнем продолжается в более широкой сфере, также как и в специфической сфере экономической глобализации. Большее использование человеческого интеллекта в нашу эпоху означает использование всех этих уровней на 100 %.